

ХИМЕРА

Дмитрий Соколов

Наталья Соколова

Дмитрий Соколов
Наталья Соколова
Химера

Серия «Фениксы и змеи», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69727714

SelfPub; 2024

Аннотация

Преступник пойман и сидит за решёткой, но студентки магического института продолжают таинственно пропадать. Чернов уверяет Нику, что он к этому непричастен, и просит помочь ему спасти похищенных девушек. Не ловушка ли это? Почему он выбрал в алхимические компаньоны именно её? Как сохранить рассудок, если ночью снятся чужие сны, у родителей теперь новая жизнь, а за тобой по пятам ходит демон-коллекционер? Ответов на эти вопросы у Ники нет, но она твёрдо решила узнать, чьё лицо прячется за золотой маской Светлоликого, даже если ради этого придётся уехать с бенефактором из Петербурга на край света. Даже если вдруг выяснится, что кроме бессмертных фениксов и уроборосов существуют ещё и химеры. Вторая книга из серии «Фениксы и змеи».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ступай легко	10
Глава 2. Приехал безоружным	19
Глава 3. Терять себя по кусочкам	31
Глава 4. Железная богиня	44
Глава 5. Коллекционер	60
Глава 6. Ненависть и любовь	74
Глава 7. Без промаха	85
Глава 8. Знак свыше	98
Глава 9. Красный телефон	111
Глава 10. Река времени течёт вперёд	128
Глава 11. Крест Константина	140
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Дмитрий Соколов, Наталья Соколова

Химера

Пролог

Вокруг возвышается стеной густой лес – старый, могучий и суровый. Деревья встают на пути, словно исполинские стражи. Мелькают перед глазами игольчатые лапы елей. Корни дубов, вздымаясь из-под земли, хватают за босые ноги, ветки дикой малины иссякают шипами руки. Худой мальчишка-подросток – наголо бритый, одетый в одни только льняные штаны – мчится сквозь чащу, на ходу раздвигая в стороны острые кусты.

Кровоточат и вздуваются ожогами на его коже огненные стигматы. На нём давно уже нет живого места, всё тело испещрено рыжими как ржавчина магическими символами: они горят и в центрах ладоней, и на венах запястий, и между ключицами, и чуть ниже лопаток. На пояснице, на копчике, слева у сердца. На лбу, обоих висках, на темечке и под затылком. Но хуже всего та, что на правом боку под рёбрами – в том месте, где распятого Христа пронзили копьём...

Жаркая боль застилает глаза. Слёзы, текущие по щекам,

смешиваются с кровью и становятся красными. Живот прокалывает спазм, но времени отдышаться нет – всего несколько секунд промедления, и его догонят.

Далеко позади, за километрами леса, полыхает разъярённым огнём старый монастырь. Поднимается в небо плотными клубами белёсо-сизый едкий дым. Дрожат на ветру чад и пепел. Каменная часть монастыря устоит, но деревянные купола и кельи полностью уничтожит пламя. Пути обратно нет. Крики, хаос и мракобесье надолго поселятся в доме Бога. Многие годы хмурые монахи в чёрных рясах будут преследовать лишь одну цель – отомстить. Если им удастся поймать поджигателя, то его жизнь в священных стенах превратится в настоящий ад...

Шум шагов за спиной сменяется стуком подкованных копыт. Дело плохо – значит, конюшня сгорела не полностью, и несколько лошадей уцелело. Как бы резво мальчишка не бежал, теперь они быстро его настигнут.

Устало выдохнув, затворник останавливается у широкого старого дуба. Закрывает глаза, и всё погружается в темноту. Окровавленная, обожжённая ладонь ложится на шершавую кору в том месте, где ствол усеивает россыпь жёлтых древесных грибов. От его прикосновения по трутовикам проходит дрожь, раскрываются на их поверхности красноватые щели – десятки крошечных ртов жадно пьют кровь путника. Бегут тонкими струнками вниз к корням дуба алые пульсирующие сосуды. Сердце мальчика теперь бьётся в каждой трещинке

коры, в каждом ответвлении корня глубоко под толщей земли.

Природа умеет говорить. Всё здесь связано между собой. Нужно только правильно попросить – открыться ей и не жалеть взамен ничего, даже собственной плоти. В беспроглядной тьме перед глазами проступает карта леса с высоты птичьего полёта. Извиваются заросшие мхом тропки, зияют чёрными пятнами овраги, возвышаются залитые солнцем холмы. Впереди деревья сгущаются, вставая сплошной стеной, там не пройти и даже не пролететь. Тупик.

Мальчик сжимает руку в кулак. Стискивает зубы, на миг бледнеет в нерешительности и вдруг резко поворачивает наперерез дорожке, прямо в колючие дебри. Была не была!

Кроны деревьев смыкаются над головой. Ветви облепили царапают лицо, ели хватают лапами, терновник впивается иглами в босые пятки. Топот лошадей приближается, но это уже не важно, ведь влажный мох всё сильнее хлопает под ногами. Почва становится мягкой и вязкой, сначала тонут лишь стопы, но вот уже и щиколотки погружаются в трясину, стоит только чуть замешкаться.

У кромки непроходимого болота мальчик замирает как вкопанный, собираясь с духом. Идти дальше нельзя. Шаг вперёд – верная смерть. Хватит ли у него сил, чтобы ещё один, последний раз взлететь?..

– Стой! – рычит где-то очень далеко грубый мужской голос. Моложавый лейтенант в чёрной форме трясёт за локоть

крепкого майора в камуфляже. – Поворачиваем обратно! Левее – и сразу в чашу! Там кочки и дороги нет, но лес не густой. Пять минут, и будем на месте!

– Почему мы меняем маршрут, что-то случилось? – на заднем сиденье худощавая женщина в берете потуже утягивает кожаным поясом серый плащ.

– Не успеем его перехватить! – рывкает в ответ штурман. Он нервничает, и воздух над его плечами раскалён так, что плывёт волнами. – Надо срезать!

«Нива» болотного цвета визжит покрышками и разворачивается прямо посреди широкого шоссе. Кажется, гости из города точно так же торопятся – несутся сквозь лес по бездорожью, не жалея шин, чтобы через пару километров снова выскочить на асфальтовую дорогу.

Парнишке, истекающему кровью, тоже нужно преодолеть всего-то пару километров. За спиной с треском раскрываются крылья. Серебристые перья искривлены и обломаны, будто их погрыз лютей зверь. Сил почти нет, но он делает рывок – и взмывает в воздух за секунду до того, как его настигают всадники в тёмных одеждах. Крики и ржание сменяются голодным плеском болота. Рвётся ряска. Монахи и лошади, не успев вовремя остановиться, уходят под плотную толщу воды.

Небо над головами утопленников разрезано напополам кривым дымящимся огненным следом, словно падает с другой стороны леса подбитый полыхающий самолёт. Крылья

ломаются, осыпаются перья. Сжавшись в комок, юноша бессильно вспахивает спиной землю и выкатывается на проезжую часть.

Ревут тормоза «нивы», но машина, на полном ходу летящая из чащи на дорогу, не успевает остановиться. Глухой стук о капот – и падшего ангела откидывает в кусты, как тряпичную куклу.

Хлопают дверцы, водитель и двое пассажиров выбегают из автомобиля. Женщина в плаще кидается к подростку. Упав перед ним на колени, придерживает его голову и всматривается в разбитое лицо. Он даже не стонет – сил нет. Все кости переломаны, кожа покрыта одним сплошным ожогом, потухший взгляд затягивает мутная белая поволока. И только чистая синева её голубых глаз неожиданно вдохновляет его.

– Ты моя мама? – хрипит он в бреду. – Ты забереешь меня в рай?..

– Нет, – улыбается она ему в ответ, – в АД. Но не бойся, там тебе будет лучше...

Майор устало взъерошивает короткие седые волосы, вздыхает и достаёт папиросу. Хлопает себя по карманам в поисках спичек – кажется, он впопыхах их забыл. Штурман в чёрном шагает к нему, помогая закурить. Для этого молодому лейтенанту не нужны ни спички, ни зажигалка – огонь вырывается прямо из его большого пальца.

– Разве можно так бездумно ставить печати?! – тихо воз-

мущается женщина в сером, склоняясь над теряющим сознание юношей. Её рука медленно перемещается по воздуху над его сжавшимся в комок тощим телом. – Чёртовы инквизиторы!.. Хорошо хоть, что символы нанесены хной. Через пару месяцев сотрутся...

– Ну что, едем? – ворочая сигарету во рту, прерывает её майор.

Женщина кладёт ладонь на лоб мальчику:

– Подожди. Я немного его полечу.

Её голубые глаза ярко вспыхивают, делаясь медово-жёлтыми, зрачки вытягиваются в узкие щёлочки, как у кошки.

Тепло проникает под кожу, боль утихает. Становится спокойно. Веки сами собой опускаются, и мальчик засыпает.

Глава 1. Ступай легко

– Ника, ну что же вы так волнуетесь? – сидя напротив меня за столом, Чернов покрутил в пальцах красную ручку. – Расслабьтесь. У нас ведь сейчас всего лишь зачёт, а не экзамен.

На зачёте он показательно называл всех студентов на «вы», и это было похоже на новую форму унижения.

Его лицо выглядело совершенно по-обычному, без малейшего намёка на недавнюю страшную травму. Волосы как всегда аккуратно собраны в хвост. Новый иссиня-чёрный приталенный костюм с воротником-стойкой – ещё более строгий и мрачный, чем обычно. Из-под рукава, помимо уже привычной серебряной «византийской» цепи, выглядывает браслет из чёрного камня с бусиной дзи.

И всё же, несмотря на идеальный внешний облик, я никак не могла забыть глазастые печати, рассеянные по всему его телу. Его рога, хвост, руки со звериными когтями. Змеиное шипение, с которым длинный язык вырывается изо рта, зияющего трещиной во лбу. Что это было? Галлюцинация? Предвидение будущего? Где в таком случае заканчивается явь и начинается вымысел?

– Ника, – снова позвал он. Голос добрый и приторно-заботливый, как будто говорит с маленьким ребёнком, но я знаю, что это притворство. – Вам нужно расслабиться. В та-

ком состоянии вы не сможете выполнить даже самое простое задание.

– Простите, – выдавила из себя я. – Вы правы. Я лучше приду на пересдачу.

– Сидеть!

Не успев толком подняться, я плюхнулась обратно. Глаза снова вернулись к билету. Я с трудом перечитала его текст. Действительно, всё просто: нарисовать карту сельской местности по стихотворению о природе Тютчева. Все сельские местности немного похожи, можно даже ткнуть пальцем в воздух и угадать, но я же феникс. Я бы её увидела и зарисовала по-честному в мельчайших подробностях... если бы только меня так не трясло.

– У вас двенадцать спиралей, это задание для вас должно быть элементарным, – подлил Чернов масла в огонь. – Что случилось?

Студенты, глядя на нас, притихли. В аудитории висела мёртвая тишина. От страха и бессилия хотелось плакать, я закусила губу. Понаблюдав за мной ещё минуту или две, Чернов откинул ручку:

– Я понял. Задание снимается, – он отобрал у меня бланк. На стол лёг другой листок – мятый и затёртый, исписанный синими чернилами, с неровным краем – будто вырванный из тетради. Чернов слегка расправил его пальцами, пододвигая ко мне. – Вот вам новая задача. Это стихи Ворожеевой, которые она написала за неделю до своего исчезновения. Про-

сканируйте, где она сейчас находится и что с ней.

В зале заахали. Ко мне же, наконец, вернулся голос:

– Откуда это у вас?! – выдохнула я.

– Меньше вопросов, – решительно осёк меня экзаменатор. – Это ваш профиль. Красный оргон. Работайте.

– Я никогда так не пробовала, но...

Он был прав. Именно это меня и тревожило. Мысли об исчезновении Ворожеевой на новогоднем балу не давали мне покоя с того самого дня и вплоть до начала зимней сессии. Что этот изверг с ней сделал? Украл, поцарапав своими хищными когтями, или всё же убил?! Возможно, если я хорошо настроюсь, то и впрямь смогу это узнать. Он-то, конечно, в меня не верит, а просто дразнит. Издевается. Ну, ничего, сейчас посмотрим, кто кого.

Я набрала побольше воздуха в лёгкие и задержала дыхание. Лист со стихами вспыхнул ярко-голубым сиянием, и я прыгнула туда как в чистую лазурную воду далёкого океана. Глаза закрылись, рука, зависшая над столом, опустилась. Я медленно ощупывала истёртую бумагу, и ощущения на кончиках пальцев с головокружительной скоростью уносили меня куда-то будто бы на край света или в другой мир...

Шершавый листок вдруг стал гладким и пушистым. Осторожно коснувшись его ещё несколько раз, я поняла, что это уже вовсе не бумага, а чьи-то глянцевые пышные... перья?! Я встрепенулась. Ого! Передо мной, расставив в стороны крылья, сидит на толстой ветви тропического дерева огромная

райская птица. Пёстрой окраской из зелёных, жёлтых и розовых полос она напоминает попугая, но клюв более вытянутый и мощный, скорее орлиный, а глаза – ярко-фиолетовые.

Ослепительное солнце светит прямо в лицо. Его лучики, словно живые, аккуратно скользят по коже, лаская её своим теплом. Я отворачиваюсь, иду босиком по горячему пляжу, и мелкие белые песчинки согревают мои стопы. Со стороны океана дует нежный ветерок. Обдаёт меня прохладой и наполняет лёгкие бодрящей свежестью. Куда это я попала?! Не иначе как в рай...

В глубине острова возвышается тропический лес – пальмы с раскидистыми кронами увешаны сочными плодами. Отовсюду доносится пение птиц. Мне вдруг становится так радостно, что хочется петь вместе с ними! Танцевать, скользить босыми ногами по этой чудесной земле. Кажется, будто после долгих лет скитаний я, наконец-то, дома!..

Меня встречают девы, одетые в разноцветные свободные сарафаны, украшенные райскими бутонами. Только лишь моё платье – торжественно-белое, но это ненадолго. Девушки весело смеются и кружат вокруг меня в танце. Играючи, они надевают мне на шею сияющее перламутром ожерелье из ракушек на длинной нитке и застёгивают на запястьях браслеты из светло-розовых камней. Их ласковые руки гладят меня по волосам, проворно заплетают волнистые пряди в тонкие косички, украшая их пёстрыми лентами.

Сестрицы скручивают для меня венок из белых лилий,

и самая старшая из них, длинноволосая брюнетка в небесно-голубом платье, возлагает его на мою голову. Рыжая девушка подаёт мне половинку большого кокоса, наполненного мутноватым соком. Тонкие сильные пальцы ложатся на мой затылок, и плод повелительно подносят к моим губам, заставляя отпить жидкость. Я покорно делаю несколько глотков. Карамельно-солончатая кокосовая вода расслабляет и согревает моё тело, унося прочь все страдания и тревоги человеческого мира. Меня охватывают восторг и трепет, бегут по спине бесчисленные мурашки, мышцы наполняет томительный огонь.

– Ступай легко, сестра. Отец ждёт тебя!

Девы расходятся в стороны, опустив головы в почтительном поклоне. Океан за спиной возбуждённо шумит, накатывая пенистыми волнами на прибрежный песок. Всё внутри меня сладко дрожит и сжимается. Где же Он? Стою, смущённо потупив взор и замерев, только сердечко нетерпеливо колотится в ушах. Жду безропотно, смиренно – и вот, наконец, я вознаграждена. Увидев Его прекрасную фигуру в светлых, белоснежных одеждах, я не могу сдержаться от переполняющего меня трепета и с ликующим стоном падаю на колени. По щекам радостно текут слёзы.

Неспешным, уверенным шагом, исполненным силы и достоинства, Он подходит ко мне. Лик Его полностью скрыт под сияющей золотом маской. Вверх и в стороны от озарённого лица устремляются блестящие остроконечные лучи, об-

разуя гигантскую корону, и яркий солнечный свет искрится на их изогнутых, тонких лезвиях. Застывшая, бесстрастная гримаса на жёлтом металле делает образ Светлоликого одновременно и притягательным, и волнующим, но больше всего меня будоражат Его глаза. Два глубоких, чёрных провала на гладкой, зеркальной поверхности маски кажутся мне бездонными кратерами, и сколько ни стараюсь, я не могу разглядеть того, что таит в себе эта тьма.

Колышется белый шёлковый балахон, Отец касается моего лица. Он проводит ладонью по моей щеке, приглаживает большим пальцем бровь, запускает руку в мои косы. Кожа у него горячая и чуть шершавая. Я зажмуриваюсь, едва слышно постанывая в ответ на Его прикосновения. Мне кажется, что всё вокруг погрузилось в тишину, и даже сёстры мои боются дышать, а океан – шуметь, проникнувшись важностью момента. Продолжая удерживать мои волосы, Он сжимает руку в кулак, повелительно притягивает меня к себе, и я тихо вскрикиваю. Словно огромный солнечный зайчик, мелькает сияющее лезвие. Боль уходит так же неожиданно, как пришла. В одной руке у Светлоликого нож, а в другой – несколько срезанных у меня косичек.

Его кулак торжественно поднимается в воздух, демонстрируя отсечённый трофей моим сёстрам.

– Слава Великому Отцу! – гулко гудит в ответ на этот жест стройный хор девичьих голосов.

Одна из сестёр идёт к нам, с почтением подавая большую

золотую чашу. Светлоликий подносит к ней руку, разжимает пальцы и держит ладонь над граалем, наблюдая, как мои косы падают на дно. И вот уже Он снова обращается ко мне. Бездонные пропасти на золотой маске как будто бы видят меня насквозь, бесцеремонно и могущественно разглядывая мою обнажённую душу. Властные пальцы берут меня за запястье, выворачивают руку ладонью вверх, удерживают её за тыльную сторону, чуть сжимая.

Отец замирает, и моё сердце замирает вместе с ним, пропуская удар за ударом. Сияющее лезвие сверкает вновь. Я слышу, как восторженно ахают мои сёстры, а затем меня охватывает пронзительная, острая боль. Кажется, моя рука лопнула напополам, и внутри загорелось жгучее, безжалостное пламя. Перед глазами вспыхивает яркий свет, ослепляя и лишая зрения. Последнее, что я вижу – ручейки моей крови, стекающие в чашу по нашим с Господином сплетённым ладоням...

* * *

– Достаточно! – глубокий строгий голос словно облил меня ушатом ледяной воды, заставляя очнуться. – Выдох!

Я открыла рот и шумно вытолкнула из себя воздух, а дальше задышала быстро-быстро, как будто только что бежала кросс.

Чернов сидел напротив и держал меня за правую руку.

По нашим пальцам, сцепленным в замок, стекала на парту ярко-алая кровь. Я ощущала его подключение. Он пророс в каждую мою венку, в каждый нерв, и привёл меня в чувство не столько громким приказом или физическим прикосновением, сколько силой своей воли.

Увидев, что я вернулась, бенефактор отпустил меня и откинулся на спинку кресла, а я безвольной тряпочкой упала на стол, едва успев положить перед собой здоровую руку – тело совсем не слушалось.

– Поднимайся, – холодно скомандовал Чернов. Понятно, притворство кончилось, и теперь сюсюкать он больше не собирается. Сочувствия от него я и не ждала, но всё равно сразу стало вдвойне больнее и обиднее.

А что если именно он, пока я была в трансе, и пустил мне кровь?! Это, конечно, не очень-то страшно, за последнее время я ранилась уже десятков раз, и всё быстро заживало – потерплю и сейчас. Куда сильнее меня тревожила испорченная причёска.

– Мои волосы... – простонала я, с трудом отлепляясь от парты. Хотелось умыться, но вместо этого я просто провела холодной ладонью по лицу, размазывая тушь. – Вы обрезали мне косы!

– У тебя их и не было, – безразлично напомнил Чернов.

Услышав его, я осеклась. И правда – я ведь никогда не заплетала косички. Да и Ворожеева тоже, и всё же ярко-каштановые волосы, тонущие в ритуальной чаше, явно принад-

лежали ей, а не мне.

Чернов подал мне руку, чтобы помочь встать со стула. Мотнув головой, я уцепилась за край стола и справилась сама. Повернувшись к залу, растерянно ощупала причёску и к ужасу своему поняла, что, хоть кос у меня и нет, но передние пряди слева оторваны настолько, что едва прикрывают мочку уха.

В аудитории по-прежнему было тихо, как будто мы всё это время находились тут одни, и только тридцать пар неморгающих глаз внимательно смотрели на меня с побелевших лиц.

– «Это просто зачёт, чего вы боитесь», – вполголоса процитировал Яшка слова Чернова и добавил в ужасе. – Что же будет на экзамене?!

– Что с Ворожеевой?! – следом за ним очнулась Лизка. – Ты её видела? Она жива?!

Краем глаза я заметила, что Чернов наклонился над столом с ведомостями и красной ручкой вывел что-то у меня в зачётке.

– Держите, Антипова.

Кровь ударила мне в лицо. Распахнув корочку на нужной странице, я увидела в графе напротив «истории искусств» размашистую острую подпись и пометку:

«Зачтено».

Глава 2. Приехал безоружным

Сессия казалась бесконечной. Как будто бы Сыр несколько раз отматывал время назад, откидывая нас в прошлое, чтобы с помощью своих дежавю сдать все предметы на «отлично».

После экзаменов, выжатая как лимон, я уехала на зимние каникулы в Москву, но возвращение в родной дом не обрадовало. Даже наоборот – я вспомнила свою простую, совершенно обычную детскую жизнь, сравнила её с суетой всего лишь пяти месяцев студенчества и буквально завyla навзрыд, сознавая, что обратной дороги нет.

Мама с папой постоянно пытались меня растормошить и предлагали то погулять по Красной площади, то покататься на катке, то проехаться по торговым центрам и купить мне новой одежды, то сходить в парикмахерский салон, чтобы исправить испорченную на зачёте стрижку. Бесплезно. Всю первую неделю я провалялась в своей старой пижаме лицом в подушку, частенько забывая даже поесть или принять душ.

Счёт времени я тоже потеряла. Кажется, были выходные, а точнее – суббота – когда мама постучалась в мою комнату и сказала, что вечером они ждут в гости дядю Рому. Наверное, она намекала, что хорошо бы мне перед приёмом важной персоны приодеться и помыть голову или хотя бы помочь ей на кухне с готовкой, но я не сподвиглась ни на то, ни

на другое. Заглянув ко мне дюжину раз, мама смирилась. И только в шесть, когда на улице уже стемнело, она предприняла ещё одну попытку, попросив меня сходить в ближайший магазин.

– Так неудобно получилось, – сконфуженно помяла фартук она. – Я всё-всё приготовила. Пять салатов, три гарнира, нарезки, соленья, апельсиновый пирог. Индейку поставила в духовку... А про хлеб забыла. Может, сбегаешь, доча?

Вздыхнув, я влезла в потёртые джинсы, натянула куртку прямо на розовую пижамную кофту и, по-быстрому собрав растрёпанные волосы в гульку, спустилась в супермаркет. Благо он у нас в соседнем подъезде, и пройти тут два шага – не успею напугать своим помятым видом толпу народу.

Уже когда я выходила из предбанника магазина, зажав в руке хвостики двух упаковок хлеба – белого и бородинского – меня внезапно окликнул до боли знакомый сверх-позитивный голос:

– Ника, ух ты! Если не путаю, целых полгода прошло! Давненько не виделись!

Да уж, и с удовольствием не виделась бы с тобой ещё дольше, а лучше – никогда.

И как здесь не начать верить в закон подлости?! Я всегда, всю жизнь, даже за хлебом выходила прилично одетая, причём со старшей школы ещё и аккуратно покрашенная, а тут выбежала на пять минут, и вот – пожалуйста!..

Неровно отсечённая прядка волос выбилась из наспех

скрученного пучка и упала мне на щёку. Втянув половину лица в ворот зимней куртки и спрятав руки в карманы, я обернулась. Передо мной стоял мой бывший. Ещё более модный и понтовый, чем раньше, с гигантским новеньким смартфоном в руке.

– Как ты поживаешь? – вытащив из уха беспроводной наушник, он положил его в чехол и с напыщенным сочувственным вздохом добавил. – Хотя, я и сам вижу, что неважно. Всё тоскуешь по мне?..

Надо было послать его ещё здесь и уйти, но от неожиданности я не успела сориентироваться, а его уже несло дальше:

– Ребята говорили, что ты после нашего расставания в депрессии, не выходишь из дома и даже бросила учёбу в ветеринарной академии, но я сначала им не поверил. А теперь сам всё вижу... Мне так совестно. Прости.

– Я... – от возмущения у меня не нашлось слов. Видит он! Тоже мне, экстрасенс нашёлся. – Да я не... Просто... я учусь в другом городе!..

– Хочешь, я посоветую тебе хорошего психотерапевта? – отодвинув со лба локон блестящих, по-мажорски загеленных тёмных волос, он ещё раз окинул взглядом мой прикид, две «корочки» хлеба, зажатые под мышкой, и снисходительно улыбнулся. – Не переживай, сейчас это всё успешно лечится. Подруга моей девушки после того, как её бросил парень, обращалась в клинику к одному толковому специалисту, и там ей очень быстро помогли...

– Послушай, – я почувствовала, что на глаза вот-вот навернутся предательские слёзы. – Какая тебе разница! Я не собираюсь оправдываться, да и вообще!..

Так, Ника, возьми себя в руки. Ещё не хватало расплакаться перед ним сейчас – ведь он не поймёт, что это от досады, а тоже запишет на свой счёт.

Но в носу уже недвусмысленно защипало, а к лицу прилила кровь. Я была готова провалиться в этот момент сквозь землю, а лучше – наоборот – взлететь высоко-высоко. Лопатки заныли, мышцы напряглись, позвоночник вытянулся в железную струну. Кажется, даже запахло дымом...

– Милая, как ты тут? – раздался вдруг за моей спиной глубокий бархатистый голос. Знакомый хвойный аромат, перемешиваясь со сладковатым цветочным благоуханием, вскрыл голову и окунул в ощущение нереальности, будто я сплю. – Уже соскучилась по мне?

Округлив глаза, я обернулась и почти нос к носу столкнулась с Черновым. В правой руке у него был огромный букет алых роз, а в левой – бутылка дорогого вина. В расстёгнутом нараспашку строгом тренче, классических брюках со стрелочками и начищенных до блеска туфлях бенефактор сейчас казался самым обычным человеком. Его неформальность выдавали разве что серьга с крестом в ухе и несколько металлических браслетов, скрывающих татуировки на запястьях.

Демонстрируя безукоризненную актёрскую игру, Чернов

сощурился и ревниво спросил:

– Познакомишь меня с этим обаятельным юношей?

Бывший растерянно вытаращился на моего «спутника». Захлопнул поползшую вниз челюсть и переглянулся со мной с немым вопросом в глазах. Я и сама зависла, плохо понимая, что происходит. Не дождавшись ответа, бенефактор вручил мне тяжеленные цветы, приблизился и бережно провёл ладонью по моей щеке, зачёсывая неровно отрезанную прядку за ухо. Потом склонился, делая вид, что целует в шею, и так тихо, чтобы его могла услышать только я, проговорил сквозь зубы уже своим обычным, прохладным тоном:

– Букет для твоей матери, но можешь пока подержать.

– И...извините, – выдавил, наконец, мой горе-бойфренд. – Я всё понял. Не буду вас отвлекать.

– Это вы меня простите. Я мою Нику совсем... затискал. Не даю ни минуты отдыха, она даже позабыла про верных школьных друзей. Вы ведь её бывший... одноклассник?

– Я?.. Да. Можно и так сказать.

– Возможно, у вас будет время пообщаться летом, на встрече выпускников. А пока – не смею задерживать.

Кивнув, парень дрогнувшей рукой вытащил наушник из чехла, снова вставил в ухо и, приподняв плечи, направился туда, куда шёл пятью минутами раньше – в продуктовый отдел супермаркета.

– Ну и зачем вы это сделали?! – рявкнула я, когда бывший достаточно удалился, чтобы нас не услышать. – Что за цирк?!

Я вас не просила!

– Это и в моих интересах тоже. Не хочу, чтобы этот тип снова присел на твою сердечную чакру и тянул из тебя энергию через ваши привязки. Мне с тобой ещё работать...

– Вы могли бы рассказать ему всё, как есть на самом деле!

– Слишком долго объяснять.

– Тогда активно подключились бы, как вы любите!

– Лень тратить на это оргон.

Лень ему, видите ли!

– Как вы вообще здесь оказались?! – возмущённо воскликнула я. – Вы что, за мной следите?!

Я хотела добавить вдогонку ещё что-нибудь колкое, чтобы его пристыдить, но в этот момент меня перебили:

– Ника-земляника! Маленькая моя! Как я рад тебя видеть! – из магазина выкатился низенький упитанный мужичок и по-отечески похлопал меня рукой по плечу. – Я тебя совсем крохотной запомнил, а ты уже у нас вот какая!..

– Здравствуйте, дядь Ром, – пробормотала я, старательно убирая из голоса раздражение.

Охнув, он перехватил в руке доверху набитый пластиковый пакет – сквозь белёсый полиэтилен я разглядела три бутылки коньяка, мандарины, два прозрачных контейнера клубники, ананас, а сверху на всём этом – огромный торт. Кажется, вечер обещает быть долгим... Чернов молча забрал у генерал-полковника тяжёлую сумку, и тот с облегчением протёр карманным платком лоб.

– А это, Никушка, мой подчинённый. Лев Станиславович. Я сегодня попросил его подвезти меня к вам. В наше опасное время, сама знаешь, без телохранителя никуда...

Бенефактор устало закатил глаза. Казалось, этот приторный разговор вгонял его в скуку.

– Ну что, принцесса, пойдём, посмотрим как там твои мамка с папкой поживают. Ох, и давно же я у вас не был! Показывай дорогу!..

* * *

Родители встретили нас радостно и, похоже, совсем не удивились, что вместе с дядей Ромой на пороге нарисовался Чернов, галантно вручивший маме цветы, а папе – бутылку вина. Если они с самого начала знали, что гость будет не один, то почему ничего мне не сказали?! Я бы тогда хоть переделась из розовой детской пижамы с котиком во что-то более приличное.

Снимая куртку, я залилась краской. Бенефактор, впрочем, на меня даже не взглянул.

– Вот, знакомься, – доброжелательно, но строгим, практически приказным тоном обратился к нему дядя Рома. – Это мои старые хорошие друзья. Сашка Антипов и его красавица жена, Настенька. А это...

Он кивнул им головой в сторону своего «телохранителя» и осёкся, словно забыв, как того зовут. Пользуясь замеша-

тельством, я прошмыгнула мимо них в свою комнату. Сквозь плотно закрытую дверь до меня донёлся голос бенефактора:

– Майор Чернов.

Что, простите?! Мне не послышалось?! Я выглянула через тоненькую щёлочку в коридор. Пожимая руку моему отцу, скрипач добавил:

– Следственный отдел Антикриминального Департамента ФСБ. Очень приятно, Александр Олегович.

От удивления я замерла со снятой пижамой в руках. Из ФСБ, из самого АДа?!

В следующую секунду меня осенило, и я аж похолодела. Разумеется, это всё ложь! Такого никак не может быть! И, конечно, Чернова здесь не ждали! Он просто взял и нагло загипнотизировал сначала дядю Рому, чтобы подобраться к моим родителям, а теперь и их самих! О боже, что же он задумал?!

По-быстрому застегнув лифчик и натянув футболку, я наспех причесалась и выбежала на кухню. Гости как раз рассаживались за стол, и я пулей кинулась к самозванцу, занимая соседний стул. Когда мама отвернулась, чтобы проверить в духовке горячее, я шепнула ему на ухо:

– Это подло!

– Что именно? – довольно равнодушно спросил он вслух.

– Можете делать со мной всё, что хотите! – продолжила шептать я. – Понимаю, я слишком много видела, поэтому вы не сжалитесь. Да и пусть – мне уже всё равно! Можете

даже убить! Но родителей не трогайте, слышите?! Даже не подходите близко к моим маме и папе!!!

– Но салатов-то поесть можно? – хмыкнул Чернов.

Настойчиво вклинившись между нами, мама поставила на стол большую стеклянную миску с оливье.

– Скажите, Лев Станиславович, – вооружившись черпаком, она взялась гостеприимно наполнять его тарелку, – а как наша Ника... учится? Вы ей довольны?

Чернов отправил в рот вилку с горочкой салата, закусил бородинским хлебом и долго и тщательно жевал. Наверное, припоминал за это время все мои грехи, с трудом заставляя себя их «проглотить».

– Да, всё хорошо, – ответил, наконец, не вдаваясь в подробности, и поспешил перевести тему. – Анастасия Владимировна, вы прекрасно готовите.

Мама довольно залилась краской и принялась щедро подкладывать ему на тарелку другие вкусности.

Ну, всё понятно, её он уже очаровал – вот так, сходу – долго ли умеючи. И ведь сразу просёк, что похвалу в адрес своей стряпни мама ценит больше, чем комплименты её женской красоте.

– Восхитительное вино, Лев Станиславович! – подал голос папа, тоже неестественно радостный. – Замечательный выбор! Думаю, с него мы и начнём!

Покосившись на него недоверчиво, мама выставила на стол один за другим пять сверкающих пузатых бокалов. Гля-

дите-ка, даже про меня в этот раз не забыла. Удивительно, но ещё летом она бы мне пить не позволила, а теперь, едва стукнуло восемнадцать – оказывается, сразу стало можно...

– Нет, нельзя, – вмешался Чернов, возвращая маме два бокала. – Ни Нике, ни мне. Благодарю. Возьмите.

– Ах да, у вас же в институте студентам... ни-ни. Не разрешают, – вспомнил папа. – А вы сами – почему же?..

– Он при исполнении, – весьма издевательски хохотнул дядя Рома. – Обойдётся. Настюх, а нам с Сашкой тащи стопки лучше!

Мама озадаченно охнула:

– Ну тогда и я не буду...

Папа так и завис со штопором в руках. А потом и вовсе отставил неоткрытую бутылку подальше:

– И впрямь, Ромка, давай сегодня сразу по-мужски.

В ход пошёл коньяк. Мама отвернулась, стараясь не смотреть в сторону папы и вообще всячески себя отвлечь от дружеской попойки. Кажется, ей уже заранее стало понятно, что вовремя эти двое не остановятся.

Когда салат в её тарелке закончился, она принялась довольно внимательно изучать Чернова. Практически прошла по нему невидимым металлодетектором с макушки до пят – ну, знаете, родители так умеют (особенно если напротив сидит тот, кто совсем недавно спалился за поцелуем с их единственной дочерью). В итоге, подперев голову рукой и заморожено глядя ему в глаза, она проговорила:

– Лев Станиславович, я бы с удовольствием послушала, как вы играете на скрипке.

Меня передёрнуло. Только дьявольской скрипки нам тут сейчас не хватает. Надеюсь, он не привёз её с собой где-нибудь в багажнике машины.

– Простите, в другой раз. Сегодня я... приехал безоружным.

А ведь мама даже и не подозревает, насколько эта отговорка близка к правде!

– Не беда! – вклинился раскрасневшийся папа. – Скрипка – это скучно! Вот если бы гитара!.. Но ничего, мы с Романом и без музыки вам споём!

Ох, и когда он успел так крепко запьянеть?!

Сморщившись, мама подложила ему ещё салата, а потом вспомнила про горячее, но и оно уже не помогло. Совсем скоро мужчины, уговорив на каждого по бутылке коньяка и открыв третью, позабыли, что в кухне кроме них есть кто-то ещё, и сначала принялись травить друг другу весьма откровенные байки, а после, когда память стала их подводить, решили запеть «фронтовые» песни. Тут-то я к своему ужасу поняла, что папа вовсе не шутил.

На первых звуках «Катюши» Чернов со звоном положил – почти что уронил – вилку на тарелку и с неприкрытым отчаянием стрельнул глазами в мою сторону. Ха! Теперь-то он пожалеет, что к нам сунулся! Похоже, стопроцентный музыкальный слух сейчас причиняет своему хозяину невыноси-

мые страдания.

– Анастасия Владимировна, спасибо, всё было изумительно вкусно, – скрипач промокнул губы салфеткой. Рука слегка дрогнула от очередного громкого возгласа поющих. – Ника, может покажешь мне свою комнату?

Честно говоря, слушать вокальные потуги двух вдребезги пьяных мужчин, один из которых, увы, был моим отцом, мне тоже не хотелось – я и без того уже сгорала за него от стыда. Переглянувшись с мамой и заручившись её кивком, я повела гостя за собой подальше от эпицентра музыкальной катастрофы.

Глава 3. Терять себя по кусочкам

Когда за нами закрылась дверь моей комнаты, Чернов с облегчением выдохнул, а мне захотелось прочистить голос:

– Итак, – я указала ему рукой на диван, застеленный махровым розовым пледом, а сама села напротив на крутящийся стул, предварительно сняв оттуда и посадив к себе на колени большого игрушечного зайца, – предлагаю теперь пообщаться начистоту. Без масок.

– Что ты имеешь в виду? – закинув ногу на ногу, бенефактор с любопытством осмотрел детскую, из которой я так резко и бесповоротно выросла – все эти цветастые статуэточки, фенечки, пёстрые тетрадочки и плюшевых зверят. Положил руку на спинку дивана и подметил. – Удивительная атмосфера тут у тебя. Будто бы время в этих стенах давно остановилось...

Посмотрите-ка, быстро же он оклемался – и сразу взялся давить на больное. Да, я, конечно, и сама это чувствую, оттого-то мне здесь так плохо. Словно я уехала из своей любимой, уютненькой комнатки, из тёплого безопасного гнёздышка, а вернулась в холодную спальню совсем другой, едва знакомой мне маленькой девочки... Но нет, Чернов, так просто ты мне зубы не заговоришь!

– Покажите своё настоящее лицо! – прижав зайца к груди, как щит, выпалила я строго.

– Оно настоящее, – он повёл плечом, притворившись, что не понимает.

– Не врите! Ваше настоящее лицо я видела на новогоднем балу! Не стесняйтесь! Будьте как дома!..

– Спасибо, конечно, за гостеприимство, но тогда это был не настоящий я. Ошибка трансформации, не более.

– С чего вдруг ошибка?

– Я потерял одну из разрешающих печатей.

– Потеряли? – переспросила я растеряно. Из моего голоса мигом ушла вся спесь. Кажется, даже широкие уши зайчика упали, повиснув по бокам от вытянутой мордочки. – Или... может, её у вас украли?

Сейчас самое главное – выяснить, подозревает он меня в этом или нет. Потому что если подозревает – дела мои плохи...

– Маловероятно, иначе это бы уже где-то всплыло, – ответил он, не почуяв подвоха, но я всё равно нервно сглотнула. – Как бы то ни было, запрещающая каллиграфия не позволила мне осуществить трансформацию. Я разрушил свою физическую оболочку, а собраться заново в высшей форме уже не смог. Моя аура хаотично мутировала и вышла из-под контроля. Я попробовал себя добить, чтобы «перезагрузиться», но в итоге получилось только хуже – я испугал тебя до беспамятства, а себе так и не помог.

Ну наконец-то! Наконец ему хватило отваги сознаться, что он не человек. Осталось только разобраться, кто же он

тогда.

– В ту ночь Пётр оперировал меня пять с половиной часов. И все эти пять часов матерился. Ему никогда не приходилось никого оперировать так долго, астральная хирургия занимает обычно от пары секунд до получаса. Чтобы работать дольше, нужно затратить много психических сил, не у каждого они есть...

– Что с Петей, он в порядке?

– Сутки отпаивался оргоном и теперь немного меня ненавидит, а в остальном у него всё хорошо. Чего не скажешь обо мне. Марков разозлился и решил, что я лгу. Что не потерял, а припрятал разрешающую печать – поэтому новую выдавать отказывается. А без второй печати я как без правой руки – почти беспомощен перед лицом зла... И, к сожалению, помочь мне тут можешь только ты.

Я удивлённо на него взглянула. В животе защекотали невидимыми крылышками и тут же утихли бабочки.

– Только наивная девочка-первокурсница может помочь спасти мир? – фыркнула я как можно безразличнее. – Прямо как в кино! Ещё скажите, что я избранная.

– Ты не избранная, но так получилось, что я выбрал именно тебя.

– Может, ещё передумаете?

– Хотел бы я передумать, однако увы.

Он не говорил ничего конкретного, но мне почему-то всё равно стало не по себе. Я нащупала в кармашке у плюшевого

зайца льняной мешочек с сухими травами – мятой и лавандой – и принялась нервно мять его пальцами.

– И что вы от меня хотите?

– Ты видела, что происходит в секте Озарённых. Их нужно остановить. Помоги мне выйти на Светлоликого, по приказу которого похищают девушек.

– Кто похищает?

– Ты ещё сама не поняла, кто это?

– Поняла. Вы.

– Похоже, что мир обречён, – он хмыкнул. – Ладно, спасительница, забудь. Я пошутил.

– Ну вот и отлично! А теперь заканчивайте этот спектакль! Снимите гипноз с родителей и убирайтесь прочь из нашего дома!..

– Ника, я никого не гипнотизировал! Во всяком случае, пока.

– Что значит пока?!

Потеряв терпение, он вытащил из кармана бордовую корочку, раскрыл и подсунул мне под нос.

«Федеральная Служба Безопасности, – было выбито в удостоверении. – Майор Чернов Левиафан Станиславович. Оперуполномоченный следственного отдела АД».

– Всё равно я вам не верю! – меня начало потряхивать, будто от холода. – Со всеми этими тюремными татуировками вы больше похожи на эка, чем на опера!

– За семестр обучения в ЛИМБе ты должна была бы уже

привыкнуть к двойственности красного органа. Тот, кто раскрывает убийства, сам однажды рискует быть убитым. А тот, кто преступал закон, лучше других знает все уловки и ходы преступников.

– Что вы хотите этим сказать?

– Лишь то, что моя красная аура, как и твоя – это и дар, и проклятье. И если я до конца учебного года не разберусь с «висяком», то моей карме этого уже не выдержать. Меня разжалуют, а потом, за прошлые грехи, казнят. Прямо как в той сказке...

Я притихла. Чернов долго и внимательно на меня смотрел, словно пытаюсь понять, поддаюсь я или нет. Потом вдруг встал и принялся расстёгивать пуговицы на рубашке:

– Ладно. Раз уж мои дни сочтены, не будем терять времени...

– Прекратите сейчас же! – вполголоса воскликнула я.

Заяц упал на пол. Вскочив, я отшатнулась к противоположной стене.

– Что вы делаете?! Не подходите! Не трогайте меня!!!

– Я не собирался тебя трогать. Если захочешь, потрогаешь сама, – скинув рубашку, он вытянул вперёд руки, показывая мне разом все свои татуировки.

Я ахнула. Сколько же их у него! Оказывается, они не только на запястьях, но и на предплечьях, и на плечах, и под кадыком! Одна в центре груди, вторая левее в районе сердца. На солнечном сплетении, по обеим сторонам от пупка. Спра-

ва под рёбрами – в том месте, где находится печень. Двойной контур полукруга с магическими символами выглядывает даже из-под пряжки брюк внизу живота – другая половина татуировки мне не видна, но и так понятно, что это тоже печать... Он повернулся: у основания шеи, на обеих лопатках, под лёгкими, на пояснице, почках и, кажется, на крестце...

– Подойди ближе, не бойся. Ты уже знакома с каллиграфической магией. Узнаёшь?

Я узнавала. Мой взгляд скользил по его коже, повторяя очертания запрещающих татуировок. Каждый круг отличался вписанными в него фигурами и символами. Здесь и огонь, и вода, и земля, и эфир, и молния, и звёздная пыль... А ещё – странная монограмма в виде перечёркнутой крест-накрест буквы «Р».

– Их двадцать пять, – подсказал Чернов, когда я в который раз попыталась пересчитать печати.

– Зачем так много? – шёпотом спросила я. – Кто это с вами сделал?

– Это сейчас не важно. Я хочу, чтобы ты поняла, что я для тебя не опасен. Даже наоборот – мой поводок в твоих руках, потому что избавиться от татуировок я могу только через алхимический андрогин.

– Вы же обещали, что этого больше не повторится!

– Я буду стараться, чтобы этого не повторилось, но обстоятельства могут сложиться неблагоприятно, и тогда мне понадобится моя сила, а ты – мой единственный шанс её вернуть.

нуть. Ты ведь хочешь, чтобы пропавшие девочки спаслись? По моей информации некоторые из них ещё могут быть живы...

– Сколько у вас спиралей? – я поражённо хлопала глазами. – Кто вы?! Феникс или змей?!

– Я химера.

– Кто?!

– Ещё одна жертва эксперимента. Как и ты.

В этот момент в дверь постучали.

– Лев Станиславович, не хотите чаю?.. – шагнув за порог моей комнаты, мама увидела бенефактора, по пояс обнажённого, и едва не расплескала кипяток из двух больших керамических кружек, стоящих на маленьком подносе рядом с вазочкой шоколадных пряников. – Ника, вы что же это?.. Прямо вот так! При родителях! И не стыдно?!.. Майор, а вы что скажете?!..

Да, скажи ей что-нибудь в моё оправданье! Объясни ещё раз про эти чёртовы печати, а то и правда со стороны всё смотрится как-то непристойно... Я умоляюще на него взглянула.

– А я... – повернувшись к ней, Чернов прохладно развёл руками, – скажу, что я далеко не самый плохой вариант. Во всяком случае, я хотя бы не пью.

Мама ахнула и хотела что-то возмущённо ему ответить, вступаясь за папу, но её перебил громкий и уже по-свинячьему визгливый выкрик с кухни:

– Владимирский центра-а-ал!.. ветер се-вер-ный!..

Запихнув в рот один из пряников, мама густо покраснела – видимо, сразу за обоих солистов – и тихо закрыла дверь.

– Кошмар! – только и смогла простонать я, в изнеможении упав на диван и уткнув лицо в подушку. – Какой дурацкий вечер!..

Чернов, игнорируя меня, задумчиво прошёлся по комнате. Раздвинул шторы. Окинул глазами кипу моих рисунков с картами городов, возвышавшуюся на подоконнике горой. Отвернулся. Пошуршал старыми тетрадками на письменном столе, оттеснил в сторону кучу цветных гелевых ручек и вдруг достал откуда-то корейский блокнот с белым разноглазым котиком – подарок от одноклассницы на восьмое марта. Один глаз у упитанного красавца с розовым носиком был светло-салатовый, а другой голубой.

– Это называется химеризм. У моей матери могла родиться двойня, но на начальной стадии развития один из эмбрионов умертвил своего брата-близнеца, присвоив себе его генетический материал – не без помощи медиков, разумеется. В итоге моё тело унаследовало два различных типа клеток. Почти как у этого кота с гетерохромией. Только у него это сказалось на цвете глаз, а у меня – на сверхспособностях. Я и феникс, и уроборос. У меня двадцать четыре спирали ДНК.

– Какой ужас! – ахнула я. Если он и сейчас врёт, то это очень, очень нехорошая ложь. – Как вы с этим справлялись?!

– Я не справлялся.

– А эти печати... вам больно?

– Обычно нет. Только когда трансформируюсь. Правда, трансформироваться я пытаюсь довольно часто, особенно если меня разозлить, – надев рубашку, Чернов невозмутимо застёгивал пуговицы. – Тогда печати начинают ныть, жечь, а иногда и кровоточить. Моё спасение – дым. Можжевельник, мандрагора и красавка временно разрушают магию спиралей и помогают избежать ожогов и травм. Кстати... Теперь, когда ты всё знаешь, могу я закурить?..

Он почти меня убедил. Потерявшись в океане новой информации, я перестала в чём-либо его подозревать и вообще – логически мыслить. Только беспомощно хлопала глазами, наблюдая за тёмной фигурой, сидящей в проёме распахнутого окна, по-свойски закинув ногу на подоконник. В его пальцах дымилась в мундштуке тонкая сигарета, полупрозрачная коричневая бумага чернела и плавилась, а вместе с ней плавилось и моё недоверие. После всего сказанного и увиденного я даже немного его жалела и больше не видела в нём врага – а зря.

Часом позже, когда в стельку пьяный папа понял, наконец, что ему пора лечь проспать, а дядя Рома, с громким бульканьем опустошив желудок в нашем туалете, засобирался домой, Чернов как ни в чём не бывало вышел в коридор, чтобы попрощаться с моими родителями.

Мама упаковала ему с собой половину апельсинового пирога, до которого дело за ужином так и не дошло. Папа, ша-

таясь, попытался пожать руку. Чернов мягко уклонился от них обоих, а потом снова шагнул вперёд и положил ладони им на плечи.

– Вам лучше забыть о Нике, – дотронувшись одновременно до их главных шейных позвонков, вязким тихим голосом проговорил он. – Я о ней позабочусь. Отпустите её. Подумайте о втором ребёнке. Александр так хотел мальчика. Усыновите обычного малыша из детдома – и ваша жизнь будет лёгкой и простой, как прежде. Магическая реальность отныне останется за пределами вашего мира...

Всё это он произнёс так быстро, что я даже не успела его прервать или оттолкнуть. А дядя Рома к тому моменту, накинув пальто, и вовсе вышел на лестничную площадку, чтобы «глотнуть свежего воздуха», поэтому слов своего подчинённого не услышал.

Родители, оба словно зомби, растерянно кивнули и как-то странно, будто с облегчением выдохнули. Их плечи опустились, сбрасывая невидимый груз, лица разгладились. Улыбнувшись им, Чернов забрал контейнер с пирогом. Обменялся рукопожатиями с папой и, пожелав всем доброй ночи, шагнул за порог.

Едва накинув куртку на футболку я, прямо в тапочках, побежала за ним вниз по ступеням. Меня никто не остановил, даже не окликнул. Уже на первом этаже, выбегая из подъезда, я услышала, как хлопнула вверху за моей спиной дверь нашей квартиры. Не закрылась на замок, а просто клацнула

язычком, но и этого мне хватило, чтобы по щекам потекли слёзы.

На улице было скользко. К ночи похолодало, и тротуары покрылись покатым льдом. Босые ноги в тапочках оставляли длинные косые следы на свежем снегу.

– Да как вы смели! – подбежав к тонированной чёрной «волге», воскликнула я. – Как вам не стыдно! Родители – это всё, что у меня есть!!!

Чернов помог дяде Роме усесться на заднее сиденье автомобиля, пристегнул ремнём, чтобы тот не заваливался, и тихо захлопнул за ним дверцу.

– Больше у тебя этого нет.

Так вот зачем он приезжал! Решил отобрать у меня самое дорогое – семью! Конечно, ведь если я останусь совсем одна, без корней, без прошлого, без поддержки, то мной будет гораздо легче управлять! Я боялась, что он убьёт их, а он сделал хуже – «убил» меня для них. Как мерзко!

Моя рука вздёрнулась в воздух. Я хотела отвесить ему пощёчину, но он пластично увернулся от моего удара. Достав из багажника щётку, принялся спокойно счищать с машины снег.

– Учись терять себя по кусочкам. Настанет день – и придётся потерять всё.

Домой, как ни странно, меня впустили и даже не забыли, как зовут родную дочь. Только вот ни моё мнение по поводу происходящего, ни вообще всё, что творилось у меня на душе, больше никого не волновало. Когда я вернулась и, пройдя на кухню, выбросила грязные тапочки в мусорное ведро, папа уже спал, а мама в одиночестве безмятежно пила чай, стоя у окна. Стоило чёрной «волге» отъехать от подъезда и скрыться за поворотом, она мечтательно охнула, не отрывая взгляда от ночной улицы:

– Красивый, конечно... – это прозвучало так, будто бы мама ни к кому конкретному не обращалась, а просто мыслила вслух. – Импозантный, воспитанный, стильный. И тело у него такое... поджарое. Ничего лишнего. Только кожа и мышцы.

– Не заметила, – брякнула я, отрезая себе кусок апельсинового пирога. Кстати, тут я ничуть не покривила душой. Когда Чернов стоял передо мной топлесс, я смотрела исключительно на его магические татуировки – и ужасалась. Если бы я была им, то, наверное, захотела бы, как змея, сбросить с себя всю кожу.

– Повезло тебе, дочурка, – очарованно продолжала мама. – Я должна была бы тебя отчитать. Поругать... Но не буду. Почему-то не хочется. Ты ведь уже у меня не ребёнок.

Взрослая. Сами с ним во всём разберётесь, правильно?..

Ох, мамочка, уж лучше бы ты меня отчитала! Лучше бы поругала, как раньше! На мои глаза снова навернулись слёзы. Если даже я и попытаюсь ей всё объяснить, она не поймёт. Не поверит. Не избавится от наваждения. Вот так за один вечер мы с самым близким для меня человеком стали друг от друга недосягаемо далеки...

Закрывшись в комнате, я взяла телефон, к которому не подходила весь день. В уведомлениях увидела, что мне за чем-то звонил бывший, но надолго на этой новости не задержалась. Безумно хотелось написать вдогонку пару «ласковых» бенефактору, да только это будет бесполезно. Если он что-то задумал, то ни ругань, ни мольбы не помогут. Поэтому, пролистав список чатов, я в липком паническом мандраже открыла другой контакт и схватила за него, как за страхующий трос, удерживающий от падения в бездну.

«Паша, как у тебя дела? Я так соскучилась! Очень хочется поскорее вернуться в Питер и увидеться с тобой!..»

Ответ не приходил довольно долго. В общем-то, неудивительно, время позднее. Может быть, он вообще уже спит... И только когда я сама легла в кровать и выключила свет, телефон на тумбочке внезапно мигнул экраном:

«Малыш, поздравь меня, сегодня мы с ребятами сдали последний экзамен! Так что теперь до лета я полностью свободен. И да, я вышел на красный диплом! А что если завтра я сам приеду к тебе в Москву, и мы это отметим?..»

Глава 4. Железная богиня

Когда на острове наступает закат, лучи солнца раскрашивают всё вокруг в алый. Песок на пляже становится бордовым, багровое пламя охватывает холмы, течёт на равнины огненной лавой. И только мрачные силуэты древних дольменов, возвышающихся на горе будто остовы сгоревших деревьев, бросают на землю вытянутые чёрные тени.

Лёжа на спине, я покачиваюсь на тёмных водах океана. Здесь столько красного оргона, что аж скулы сводит. Кто я на этот раз? В чьём я теле? Больше всего на свете мне не хотелось снова сталкиваться со Светлоликим, но сегодня полнолуние, а я жутко голодная...

Доплыв до берега, выхожу из воды и иду, увязая в мокром песке, навстречу сёстрам. Девы протягивают мне полотенце, помогают одеться и расчесать влажные волосы. Они вовсе не чувствуют, что сейчас их подруга другая, а взгляд её хищен и холоден, как у феникса.

– Скорее! – торопит старшая. – Господин уже ждёт нас! Нельзя пропускать вечернюю практику!

Взяв за руку, она ведёт меня следом за другими через тропический лес к подножию горы. Чтобы разогнать сгущающийся мрак, девы зажигают огонь в маленьких ручных фонариках. Один такой фонарик дают и мне. Я хорошо вижу в темноте, но послушно беру его и несу перед собой, поглядыва-

вая на крохотный язычок пламени, танцующий за стеклом.

У тропинки горного серпантина лес заканчивается, здесь не растут деревья и кусты, а почва сухая и каменистая. Там, наверху, на плоской вершине чернеют руины какого-то древнего строения с останками некогда величественных статуй-колонн.

Солнце уже скрылось за горизонтом, но алый свет не исчез. Это не закат, а красный оргон оттеняет печальные лица каменных трёхметровых исполинов – мужчин и женщин с обломанными носами, впалыми глазницами и покрытой многочисленными трещинками безжизненно-серой кожей. По моей спине ползут мурашки, а волосы на теле встают дыбом. Никогда ещё я не видела столько огрона! Весь остров утопает в нём, волны алой энергии вздымаются повсюду подобно волнам оставшегося позади океана.

Чуть дальше, за каменными стражами, располагается большая круглая площадка, похожая на арену. По всему её периметру на высоких деревянных шестах закреплены горящие факелы. Пол выложен гранитными плитами. Солнце щедро прогрело их за день, и я невольно вздрагиваю, ступая на них босиком. Или это жар красного оргона?.. Отдёргнув ногу, смотрю вниз. На каждом из камней изображен рунический символ, но не скандинавский, а из какого-то другого, неизвестного алфавита.

– Младшим сёстрам не позволено участвовать в ритуале, – пререзает тишину голос старшей наставницы. Она в

знак немой поддержки сжимает мою руку и улыбается. – Однако теперь, когда ты прошла обряд посвящения, ты полностью стала одной из нас, и Господин дал своё дозволение.

Я пытаюсь выдавить улыбку в ответ, но губы не слушаются, и получается только кивнуть. Мы берёмся за руки с остальными девушками и выстраиваемся вокруг большой каменной стелы, торчащей ввысь из центра площадки. Я запрокидываю голову, силясь разглядеть, что там, наверху этого остроконечного столба, но вижу лишь россыпь ярких звёзд, сияющих на глянцевой глади чистого ночного неба.

А вот и главная звезда – Светоликий. Лидер Озарённых поднимается на арену быстрой, уверенной походкой, полы его белого балахона, залитые красным оргоном, развеваются на ходу, словно языки пламени. Неужели этого не видит никто, кроме меня?!

Бездонный взгляд пустых глазниц его золотой маски осматривает собравшихся. Ненадолго останавливается на мне, и я замираю, затаив дыхание. Но вот уже Светоликий, ничего не заподозрив, воздевает руки к небу, и начинается практика. Знаки на плитах загораются слабым золотистым светом.

– Каждая из прекрасных дев достойна стать матерью-богиней нового мира! – его глубокий, пробирающий до костей голос, отражается от дольменов и обрастает эхом. – Мира, свободного от войн, голода и болезней! Нет больше страха! Смерть побеждена! Закончилась старая, тёмная эра. Не все

смогут ступить в новый день, но вы смогли! Вы – на вершине эволюции. И пусть каждая из вас даст крупицу жизни великому Дитя новой расы!

Простите, что?! Какая ещё новая раса, какое дитя, что здесь вообще происходит?!

Слабая тянущая боль разливается по моему телу. Низ живота ломит так, будто вот-вот придут критические дни, ноги жжёт всё сильнее, шершавые камни колют током стопы. Ладони сестёр слева и справа, становятся влажными, они крепче стискивают руки – оказывается, не только мне хочется убежать.

Красный оргон взрывается цветом. Терпи, Ника, дыши!

Помутневшим взглядом я смотрю, как вспыхивают, проступают сквозь кожу и мышцы, будто алые тропические цветы, очертания маток невинных дев. Красные ручьи оргона изливаются из них, стекают по босым ногам на землю и, прокладывая себе среди песка и пыли дорожку, словно по заранее выколоченным желобкам, устремляются на середину арены, к каменной стеле. Холодное серое изваяние жадно впитывает свежую живую энергию – как гигантская губка.

Сложив руки на груди, Светлоликий, наблюдает за ритуалом, и ни один мускул не дёргается на его загорелых жилистых предплечьях. Стела, «напившись» оргона, дрожит, мерцающая алым сиянием. Ладони девушек тоже дрожат и холодеют от слабости. Вместе с яркой энергией из их тел вытекают силы, и лишь моя матка так и не загорается светом. Наоборот,

с каждой секундой мои очертания становятся всё темнее – пока за спиной не раскрываются, как два огромных полотна, два чёрных крыла.

Беспроглядный мрак накрывает куполом каменную поляну. Пламя факелов гаснет от порыва ветра. Острые перья сотнями заострённых шприцов вливаются в гранитный монумент – я высасываю весь накопленный там заряд одним залпом. Стела мертвецки сереет, идёт трещинами и рассыпается повсюду мелким гравием. Символы рун меркнут, кто-то из девушек кричит, кто-то плачет, кого-то тошнит – но и этого мне мало, я заберу у них всё без остатка! Дёргаю за канатики красного оргона, текущего из раскалённых маток, как за нити марионеток. Крики сменяются бессильными вздохами. Девы в белых платьях, как призраки, безвольно падают наземь, теряя сознание.

Теперь лишь Светлоликий изваянием стоит напротив меня посреди каменной сцены. Его золотое лицо не выражает эмоций, но плечи по-прежнему расслаблены, а осанка прямая. Ему нечего бояться, ведь на груди, под одеждой, у него пылает амулет против магии феникса – серебряный пеликан кормит птенцов кусками своей плоти.

– Если бы я знал, что ты так умеешь, Эленария, то мне хватило бы тебя одной, – чёрные глазницы смотрят прямо в глаза моему аватару. – Сегодня ночью, дева, ты идёшь со мной к ритуальному алтарю!

Приблизившись вплотную, он властно стискивает рукой

моё горло и неподвижными золотыми губами целует мокрые, выющиеся кудряшками волосы.

* * *

Я вскочила в пять утра, и уснуть больше не получалось. Тело распирало от энергии, а мозг – от мыслей. Как я могла так неосторожно поступить! Ведь помнила же про полнолуние! Почему не надела на ночь верблюжий браслет или, хотя бы, не повязала свою старую нить? Что теперь будет с этими девушками? Живы ли они?!

К счастью, Светоликий не вычислил меня, потому что я была в теле другого феникса – по всей видимости, Елены со второго курса, которая пропала в октябре и которую на острове нарекли Эленарией. Но что этот извращенец с ней сделает – или уже сделал?! Убьёт? Заставит исполнять свои грязные фантазии? Чем вообще они там все занимаются и откуда у них столько красного оргона – больше, чем у серийных убийц?!

Во всех этих мыслях я чуть не позабыла про встречу с Пашей, а когда вспомнила, наспех оделась и побежала в парикмахерскую. Во-первых, перед свиданием хорошо бы всё-таки подравнять концы и избавиться от асимметрии, а во-вторых, жутко хотелось состричь прядки, которые целовали губы Светоликого.

В столь ранний час в салоне кроме меня совсем не было

посетителей, и вскоре беспорядок на моей голове превратился в модное удлинённое каре с прямой чёлкой. Кажется, вышло неплохо, хотя и незапланированно.

Пока меня стригли, на телефон пришло сообщение от бывшего. Прочитав текст, я от души рассмеялась:

«Твой парень – бандит, – писал будущий ветеринар. – Беги от него, Ника!»

Не иначе как всю ночь не спал, думая, какую гадость выдать. Впрочем, возможно, по поводу Чернова он не так уж и далёк от истины, только вот убежать не получится. Если бы могла – давно бы уже это сделала!

Паша приехал в Москву на утреннем поезде и остановился в отеле рядом с вокзалом. Обещал немного передохнуть и заехать за мной к двум, чтобы отвезти в «одно секретное место». В последнее время я стала ненавидеть секреты, потому что ничего хорошего они мне не сулили, но парень был решительно настроен меня удивить, и лишать его воодушевлённого запала не хотелось.

Тайна раскрылась, когда, заехав за мной, он с порога попросил захватить купальник и полотенце. Пока я рылась в шкафу, пытаясь отыскать в глубинах летние, купленные для поездки на море вещи, в коридор вышла мама, и они с Пашей о чём-то мило побеседовали. Мама держалась спокойно и доброжелательно, даже не смутилась тому, что ко мне сегодня приехал новый «кавалер».

– Мам, а это... – по привычке я всё равно стала оправды-

ваться, стоило нам встретиться взглядом, но она меня перебила:

– Паша так Паша, – добродушно улыбнувшись, мама заговорщицки подмигнула, будто я ей подруга, а не дочь. – Отдыхайте, ребята. Сейчас я вам упакую с собой немного моего апельсинового пирога...

Аквапарк был похож на райский уголок. Плеск лазурных волн, многочисленные островки и водные лабиринты притягивали и завораживали, возвращая мыслями в детство. Я даже на время позабыла, что у меня самой внутри накопилось собственное маленькое море бурлящего напряжения.

Сперва я слегка стеснялась, потому что в купальнике Паша меня ещё ни разу не видел, но за пару часов он так загонял меня по разным горкам, бассейнам и аттракционам, что смущение отошло на второй план, уступая место приятной усталости с привкусом странного трепетного ожидания – словно вот-вот должно произойти что-то очень важное. Меня даже изредка слегка потряхивало, хотя вода была удивительно тёплой. Заметив мою дрожь, парень увёл меня от экстремальных аттракционов к не менее экстремальным баням – особенно русскую разогрели от души, градусов до восьмидесяти, не меньше. Кажется, даже для меня – феникса – это чересчур.

Погружаясь рядом с Пашей в контрастную купель, я внезапно заметила сбоку на его шее татуировку, которой раньше не было. Россыпь чёрных звёзд соединялась прямыми лини-

ями в неизвестное мне созвездие. Две точки слегка выделялись размерами на фоне остальных – наверное, это какие-то альфы, самые яркие светила в звёздном скоплении. Была бы здесь Лизка, она бы сразу определила, что именно тут изображено, а мне же оставалось только гадать. Орион? Пегас? Кассиопея?..

Поймав на себе мой взгляд, Паша сильнее повернул вбок шею и пояснил:

– Это змееносец. Тринадцатый знак зодиака – укротитель змей. В новогодние праздники набил. Нравится?..

– Ага... – неуверенно промямлила я. На самом деле мне не нравилось. Татуировка вовсе не походила на круглую магическую печать, но всё равно ярко-чёрные линии на светлой коже напоминали мне ненавистного Чернова, о котором даже думать не хотелось.

Чуть позже, окончательно зажарившись в банях, мы сдались и вывалились на свежий воздух, чтобы немного передохнуть. С непривычки я вся покраснелась, запыхалась и умирала от жажды. Накидывая на мои плечи полотенце, парень приобнял меня сзади и шепнул на ухо:

– Обожаю, когда ты так дышишь, малыш! – его рука через махровую ткань скользнула по моей груди. – Подожди вот тут, сейчас я принесу тебе чего-нибудь попить.

Он усадил меня в пластиковый шезлонг рядом с гидромассажным бассейном, и я в изнеможении опустила затылок на мягкую подушечку. Закрыв глаза, прислушалась к себе.

Нет, тревога никуда не ушла. Но теперь, кажется, я понимала, в чём дело. В аквапарке было чудесно, сказочно, волшеб-но... но в этом-то и проблема! Светло, по-южному тепло, и вода голубовато-прозрачная, будто хрусталь – прямо как на далёком тропическом острове из моего недавнего видения. Казалось, с минуты на минуту здесь появится Светлоликий и его девы – такие красивые, но такие неживые. Прекрасные и молчаливые. Словно картинки из фильма, миражи или эфемерные духи, которые уже давно умерли, и теперь им всё равно, где скитаться... От мысли, что, задержавшись с ними чуть дольше, я могла бы стать такой же, по моему позвоночнику снова прошла мелкая дрожь.

– Малышка, ты только посмотри, что я для тебя нашёл!

Вздвогнув, я открыла глаза. Паша присел передо мной на колени и обеими руками протянул мне... нет, не стакан газировки, не чашку кофе и даже не бокал вина, а огромный, шершавый и ворсистый кокос! Верхушка у заморского ореха была срезана, слева в мякоть вонзили разноцветный бумажный зонтик на деревянной палочке, а справа со дна торчала извилистая змейка трубочки.

– Вот, попробуй, – не чуя неладного, Паша чинно, даже с некоторой гордостью, вложил напиток мне в ладони. – Давай представим, что мы с тобой на необитаемом острове...

Да, как раз именно это я только что и представляла. Правда, удовольствия мне такая фантазия совсем не приносила. Скорее наоборот.

Чтобы не обижать парня, я зажала трубочку пальцами и сделала маленький глоток. Знакомый обволакивающий вкус солёной карамели ударил мне в нос, с головокружительной скоростью унося прочь из шумной Москвы куда-то на юг, через леса, горы, пустыни и Индийский океан...

Я зажмурилась. Перед внутренним взором, как фантом, возникла сияющая маска Светоликого. Шурша рукавом белого балахона, он протянул мне руку и с прохладным достоинством проговорил: «Теперь ты одна из нас, путница. Пойдём со мной, и пусть ангелы поют нам на этой сладкой, как золотой нектар, дороге в новый мир!..». Его пальцы шевельнулись в воздухе, будто играя аккорд на невидимой арфе. Глядя на меня тёмными пустыми глазницами, он ждал, пока я вверю ему мою ладонь. Передёрнувшись, я быстро шлёпнула в его протянутую руку кокос и открыла глаза.

– Не понравилось? – слегка расстроено переспросил Паша, забирая у меня экзотический плод. – Там много калия, он прекрасно расслабляет мышцы. Я подумал, что после сессии – самое то.

– Извини, что-то не идёт, – пробормотала я. – Может, я просто устала...

Пожав плечами, парень сам в два счёта допил через трубочку весь сок:

– Тогда поехали ко мне в отель. Я тебя угощу классным китайским чаем! Чай тебе точно понравится!..

На улице уже потемнело, но Паша не стал включать в гостиничном номере свет. Зажёг только тусклый ночник над прикроватным столиком – там стояла бамбуковая чайная доска, две миниатюрных китайских чашечки и крохотный глиняный чайничек.

Я села на незастеленную постель и огляделась по сторонам. Комнатка не большая, но уютная. Ковёр с длинным салатовым ворсом, два мягких пуфика, зеркало в золотистой раме и телевизор на стене. Окно, зашторенное белой занавеской, выходило на маленький сквер, залитый жёлтым светом фонарей.

– Этот чай назвали в честь тебя, – вскипятив воду, Паша высыпал в руку несколько сухих, скрученных в комочки тёмно-зелёных листиков и предложил мне понюхать. Листики пахли чем-то весенним, как черёмуха или сирень. Пересыпав заварку в чайник, парень наполнил его до самого верха кипятком, накрыл крышечкой и тут же разлил светлый напиток по пиалкам.

– Он называется Те гуань инь. В переводе – «железная богиня», – сев рядом, Паша добавил жарким шёпотом. – Ты божественно хороша в купальнике! Так красива, чиста и хрупка, а внутри – острый металл и дикий огонь! И это ещё сильнее заводит!..

Позабыв вдруг про чай, он повалил меня на кровать и начал несдержанно целовать. Сперва в ямочку на щеке, потом в уголок рта, потом, долго-долго, в губы. И вот уже его язык щекочет мне шею, а пальцы, расстегнув несколько верхних пуговиц блузки, обнажают плечо. Я и оглянуться не успела, как он ловко освободил меня от кофточки и лифчика. По предплечьям от его откровенных прикосновений пошли мурашки. Наверное, в этот раз всё бы и произошло, но вдруг Паша склонился к моему уху, провёл ладонью по голове и, запустив пальцы в волосы, поцеловал свежестриженные кончики.

Меня тряхнуло – прямо как во сне. Я выскочила из-под него. Почему-то стало так противно и страшно, что взгляд затуманили слёзы.

– Эй, ты что? – он удивлённо прервался. Его тёплые шоколадно-карие глаза смотрели на меня, не моргая. – Я ещё не сделал тебе больно, а ты уже плачешь. Так не пойдёт...

Уставившись на парня, я пыталась «развидеть» на его месте Светлоликого, но отделаться от воспоминаний никак не получалось. Реальность и сон сплелись воедино. Создалось впечатление, что я схожу с ума.

Паша отстранился и, сев на кровати, опрокинул в себя залпом чашку чая. Вздохнул озадаченно. Снова повернулся ко мне:

– Послушай, малышка. Я не хочу тебя неволить. Просто вчера мне показалось, что ты готова. Но если ты не настро-

ена, я не буду к тебе приставать. Не реви.

Прикрывшись одеялом, я запоздало мотнула головой и за-
ныла в нос:

– Нет, дело не в тебе, Паш. Понимаешь, на меня столько
всего навалилось, что я одна уже не справляюсь. Наверное,
мне нужно выговориться...

– А, вот оно как... – вкрадчиво протянул парень, прижи-
мая меня к груди. – Малыш, следовало начать с этого. Рас-
скажи, что случилось?..

Обняв его, я вцепилась ему в плечи, и слова вылились из
меня одним огромным, холодным водопадом. Я выложила
ему всё. Про сложные экзамены. Про свою московскую де-
прессию. Про то, что с трудом могу находиться в квартире,
где родилась и выросла. Про дурацкую встречу с бывшим.
Про дружескую попойку папы и дяди Ромы, перешедшую в
вокальный дебош. И, в конце концов, про то, как я стала
чужой для родителей из-за бессердечного гипноза Чернова.
Хотела рассказать и про остров, но при одном воспоминании
о Светлоликом язык онемел и приклеился к нёбу.

Паша слушал, не перебивая, и легонько поглаживал меня
по спине. И только когда речь зашла о его научном руково-
дителе, он вмешался:

– Знаешь, я прекрасно понимаю, почему он так поступил.

Я с любопытством на него взглянула. Даже слёзы сразу
высохли. Как здесь можно что-либо понять? Разве в жесто-
ких действиях Чернова вообще есть какой-то смысл, кроме

разрушения всего, что мне дорого?..

– Твои родители сейчас и впрямь сильно переживают о тебе, они испытали настоящую потерю, – Паша встряхнул листики на дне чайника, пару раз ударив глиняным дном по своей ладони, а потом снова залил улун кипятком. – Простым людям не удастся осмыслить, что такое ЛИМБ. Они лишь чувствуют, как страшная, непреодолимая сила уносит всё дальше и дальше их единственную дочь... Это немного похоже на смерть. Нам кажется, что человека больше нет, хотя он есть – только перешёл на другой уровень, так высоко, что обычное сознание перестаёт его воспринимать. И вот они ищут тебя, ищут – и не могут снова найти. И не смогут больше никогда...

Я в растерянности отпила остывшего чая. То, что Паша, как всегда, защищает Чернова, вовсе не удивляло, а вот с мёртвой до этого меня пока ещё не сравнивали. Но, если подумать, то так оно и есть. Я ведь за эти полгода действительно успела умереть не только метафорически, но даже и разок по-настоящему.

– Твой папа же раньше так не пил?.. – парень повторно наполнил мою пиалу чаем. С новой заваркой аромат листьев раскрылся, и плотный черёмуховый запах поплыл по комнате.

– Нет, – подтвердила я тихо.

– Это не совпадение. Всё то время, что ты училась в Питере, он ежедневно – да что там, ежечасно – волновался за те-

бя, не находя себе места. Спасение нашлось в алкоголе. Если это не остановить, то такими темпами мама скоро потеряет и его – и что тогда? Она ведь сломается. Только представь себя на её месте! Ты думаешь, она железная? Нет, малышка, железная богиня – это у нас ты, – он поцеловал меня в лоб горячими от чая губами. – А твои родители – простые смертные, слабые люди. Пожалей их. Чернов зрит очень глубоко...

Я молча комкала в руках кофточку.

– Не одевайся. Я сделаю тебе массаж.

Он достал из рюкзака маленький тюбик с массажным маслом и принялся катать его между ладоней, чтобы согреть. Всклипнув, я уткнула нос в чашку. Ароматный цветочный пар жарким облаком ворвался в ноздри, убаюкал и успокоил. Мне захотелось задержать дыхание и оказаться сейчас где-нибудь на родине этого чая, у подножья туманных уишаньских гор.

– Ты иная, – шептал мне Паша, когда его руки, прохладные, но чуткие, плавно скользили снизу вверх по моей спине. – Ты должна найти свою стаю и примкнуть к таким же, как ты. ЛИМБ делает нас по-особенному сияющими, и это непостижимо обычным людям. Они никогда не смогут нас понять...

Глава 5. Коллекционер

«Невский экспресс» мягко качался на рельсах, начиная притормаживать перед въездом в город. Скоростной поезд словно вовсе не торопился прибывать в Петербург, и я прекрасно его понимала.

Назад я возвращалась поздним вечером в последний день каникул. Хотелось максимально оттянуть наступление второго семестра, как и встречу с холодной северной столицей. Всё же этот город, несмотря на его красоту и одухотворённость, не для меня. Слишком ветреный и жестокий...

У стены рядом с окном стоял под столиком мой небольшой, но увесистый чемоданчик, набитый новыми тетрадами, ручками и шмотками, которые я всё же накупила напоследок в московских торговых центрах. Опираясь на багаж локтем, я с закрытыми глазами слушала в наушниках музыку, пытаюсь не думать о том, что завтра начнутся новые лекции, семинары и индивидуалки, и моя недолгая эфемерная свобода снова рассыпется в прах... Ещё и Чернов явно потребует какого-то ответа – ведь не зря он оставил меня в покое до конца каникул. Хочет, чтобы я переварила всё им сказанное и как следует подумала над его предложением. Подумать-то я подумала, но ответ и так был у меня готов сразу – не собиралась я ввязываться в сомнительные дела. Даже если это не ловушка. Даже если он и правда работает на ФСБ. И даже ес-

ли за неудачное расследование его действительно казнят...

«Подруга, такими темпами ты его потеряешь».

Это длиннкнул коротким звуком мессенджер. И потом ещё дважды:

«Кстати, во сколько ты приедешь?»

«Оставить тебе чипсов?»

Вытащив один наушник, я переспросила:

«Ты о ком?»

«О Паше твоём, конечно. А что, есть ещё варианты?»

«Приеду через полчаса, чипсы ешь без меня, я не голодная. Так что там с Пашей?»

«Не с ним, а с тобой. Ты снова ему не дала».

«Лиз, поверь, мне сейчас не до него...»

«Ага, ну поздравляю. Ему теперь тоже не до тебя. Дождись».

«Что?!»

«Юлька с парнем рассталась – вот что. Позвонила Колдунову в слезах, тот сорвался к ней и уже который день её там утешает. А ты, дурында, доморозилась».

«Откуда ты знаешь? Макс рассказал?»

«Да. Только ты не пали нас с ним, окей? Я тебе ничего не говорила. И он мне тоже...»

Второй наушник, вылетев из уха, упал на пол. Кажется, я даже наступила на него, когда, отодвинув вбок прозрачную дверцу, выбегала из купе.

В проходе между отсеками мне стало совсем дурно. В же-

лудке начало жечь, будто я проглотила целую связку острых перцев. Расстёгнутая нараспашку куртка с треском натягивалась в районе плеч. Из спины, как иголки дикобраза, медленно, но безжалостно лезли наружу железные перья, глаза застилал красный оргон.

Набрав на ходу в ответ Лизке скупое «ок», я ворвалась в кабинку туалета и закрылась на щеколду. Включила ледяную воду и умылась, стараясь дышать ровно и без пауз. Куда там. Не поможет, конечно же. И вот уже мои мокрые, сведённые от холода руки шарят по куртке. Где же он был у меня?.. Пальцы путаются, застревая в подкладке. Наконец, в левом кармане, в самой его глубине, находится браслет, который подарил мне Чернов. Верблюжья шерсть приятно щекочет запястье. Застёгиваю пуговичку и, тяжело выдохнув, опираюсь рукой на металлическую полку под зеркалом. Вагон покачивается, стена под моей ладонью «гуляет» туда-сюда, но всё же мне удаётся не упасть от внезапно накатившей слабости.

Паша и впрямь вернулся в Петербург на несколько дней раньше – только про Юлю, разумеется, умолчал. Сказал мне, что его попросили о помощи какие-то родственники, и подробностей я не уточняла. Теперь ясно, что за срочное дело, и почему он наотрез отказался провести со мной в Москве ещё хотя бы денёк.

Напоследок смочив водой лоб и виски, я выползла из тесной уборной. Ноги заплетались, немного подташнивало, но

трансформация, к счастью, отменилась, и моя любимая тёплая куртка уцелела, а с остальным разберусь потом. Сейчас надо зайти в купе, чтобы забрать чемодан и то, что осталось от наушников. Кажется, поезд прибудет на станцию уже через пару минут.

Войдя в вагон, я удивлённо замерла. Впереди, в дальней части коридора, вдоль многочисленных «кают» шла девушка с распущенными тёмными волосами, одетая в один только летний белый сарафан. Её босые ноги бесшумно ступали по затоптанному грязными ботинками полу, и от стоп расходился слабым сиянием голубой оргон, а навстречу ему тонкими змейками полз серый туман.

Робко стучась, гостя приоткрывала одну за другой стеклянные дверцы и заглядывала в очередное купе. Что-то спрашивала. Извинительно кивала и, закрыв створку, тут же отворяла новую.

Если она оделась так странно, чтобы просить милостыню, то, похоже, это не работало. Усталые от долгой дороги пассажиры не обращали на «оборванку» внимания. Сорвавшись с места, я пронеслась мимо своего отсека и подскочила к девушке. Хотела узнать, чем ей помочь, но в этот момент она, шагнув в последнее купе, проговорила тихонько:

– Простите, у вас не будет телефона позвонить?

Никто из шестерых хмурых попутчиков даже не поднял голову на её голос. Все продолжали заниматься своими делами. Кто-то доедал сэндвич, кто-то вызывал к вокзалу такси,

кто-то стаскивал чемодан с полки. Опустив глаза, девушка вышла из вагона в тамбур.

Тугая дверь хлопнула и тут же снова отъехала в сторону. Я выбежала следом за нищенкой и схватила её за руку, разворачивая к себе. Едва сняв блокировку, подставила экран ей под нос:

– Вот, возьми.

Но телефон так и остался в моей руке. Щёлкая пальцем по иконкам с цифрами, девушка пыталась набрать по памяти номер. Символы не пропечатывались. Мобильный никак не реагировал на её прикосновения.

– Давай я сама, – не успев проанализировать происходящее, выпалила я. – Кого позвать и что передать?

– Позвони в Антикриминальный Департамент, – бессильно пролепетала брюнетка. Её светлые, горящие фосфорическим мерцанием глаза поднялись на меня. – Скажи, что времени осталось мало. Скоро он родится, а мы все погибнем...

– Кто родится?!

– Тот, ради кого мы прибыли на остров.

– Так ты с острова?! – воскликнула я хрипло. – Из Озарённых?!

– Нет никаких Озарённых, – теряя голос, шептала девушка. – Нас обманули.

Её силуэт зарябил, как помехи на старом телевизоре, и только тогда я поняла, что это не живой человек, и даже не призрак, а астральная проекция.

– Я помогу тебе! – проговорила я взволнованно. – Я учусь в ЛИМБе, мы все очень переживаем за вас. Мы что-нибудь придумаем! Честное слово! Продержитесь ещё хотя бы чуть-чуть!..

В тамбур вышел мужчина, и я поспешно осеклась. Во-первых, потому что не следует никому подслушивать наш разговор, а во-вторых, потому что мне редко выдавалось встретить настолько высоких людей – два с чем-то метра ростом, и плечи широкие, как у баскетболиста, но тело не накаченное, а скорее угловатое, будто его контуры вырезали из картона.

Несмотря на поздний час, незнакомец носил круглые солнечные очки, за которыми совсем не было видно глаз. Увидев нас, он хмыкнул в тонкие чёрные усы, закрученные вверх как у Сальвадора Дали. На секунду призадумался, потом раздвинул полы длинного кожаного пальто, потянувшись к внутреннему нагрудному карману.

Сначала мне показалось, что он решил закурить, и я хотела было напомнить ему, что в тамбурах давно уже запрещено дымить, но мои глаза наткнулись на его многочисленные кармашки, и слова застряли в горле. На подкладке пальто, из нескольких десятков узких чехольчиков, торчали прозрачные стеклянные колбочки, закрытые гранёными крышками. Внутри колыхалось в такт стуку колёс разноцветное сияющее содержимое. Можно было подумать, что это какой-нибудь сумасшедший химик, который, уходя с работы, решил прихватить с собой опасные кислоты или радиоактивные ве-

щества, но что-то мне подсказывало, что он, хоть и выглядел как человек, на самом деле им не являлся.

– Какая красота!.. – проговорил мужчина, подняв лицо на нас. В чёрных стёклах его очков блеснула висящая над выходом белая лампа. – Какая сила воли! Какая жажда жить!.. Только человеческая душа, преисполненная надеждой, может испускать столь яркое сияние! Вы будете достойным экземпляром в моей коллекции!

И тут до меня дошло, что именно с этим типом не так. Когда он вышел к нам, дверца тамбура не открывалась! Не было привычного лязга, свет не бликовал на глянцевом стекле, не ударялась о косяк резиновым торцом створка. Он просто прошёл насквозь через все преграды, разрезав пространство, будто это лист бумаги, облаком своей туманной серой ауры.

Раздался хлопок – это слетела крышка одной из пустых пробирок, но не упала, а зависла над плечом мужчины. Он вытянул вперёд руку, и в центре его раскрытой ладони загорелся искрами магический символ, похожий на лежащий рожками кверху полумесяц. Воздух вокруг закрутился вихрями, как крутится вода, спускаясь в сточное отверстие ванны. Лёгкий сарафан девушки всколыхнулся. Её проекция исказилась, пошла волнами, ослепительно вспыхнула и сжалась в маленький плазмOID. Мерцающий светло-голубой шарик притянулся ладонью незнакомца как магнитом. Осторожно сжав пальцы, словно ловит хрупкую бабочку, мужчина поднёс руку к пробирке и бережно опустил в неё свою

добычу.

Всё закончилось так быстро, что я не успела осознать происходящее. Скрипнула, плотно затыкая горлышко сосуда, стеклянная крышка, и вместе с ней скрипнули о рельсы колёса поезда. Экспресс остановился на станции. Мы прибыли в Петербург.

Слева и справа из вагонов пытались выйти в тамбур люди, нагруженные сумками и чемоданами, но все двери заклинило, и даже свет везде притушился, как бывает во время аварийной ситуации.

– Выпусти её! – воскликнула я. – Преврати обратно в человека!

Мужчина лишь надменно фыркнул, не удосужив меня взглядом. Я попыталась трансформироваться, чтобы намекнуть ему, что таких, как я, нельзя игнорировать, но крылья не раскрывались. Совсем забыла! Чёртов верблюжий браслет!

Запахнув пальто, злодей шагнул на перрон – прямо через закрытую дверь. Как только он покинул поезд, свет снова зажёгся, все замки разблокировались, и я выскочила следом за ним, плюнув на оставленный в купе багаж.

– Стой! – заорала я. Шерстяной амулет полетел на асфальт, и его тут же затоптала толпа. Распихивая локтями встречный поток людей, я неслась за усатым «химиком». Когда я догнала его, он уже стоял у конца платформы, в том месте, где перрон заканчивался высокой бетонной оградой.

Подняв пробирку так, чтобы её содержимое освещал самый яркий на всей станции фонарь, он восхищённо любовался мерцающим голубоватым шариком, бьющимся о стеклянные стенки.

Моя рука взметнулась в воздух. Пальцы превратились в стальные перья. Пять чёрных заточенных лезвий сорвались с ногтей и полетели вперёд, целясь в сосуд. Увернувшись, пригнувшись, метнувшись в сторону, мужчина на секунду присел и спрятал свой трофей в нагрудный карман. Снова поднялся. Отряхнул распоротый рукав, искромсанный «пулями» на клочки, поправил поцарапанную и искривлённую дужку тёмных очков, стёр с рассеченной щеки капли крови, которая в тусклом ночном освещении казалась синей, и посмотрел на меня в упор.

– Подумать только, какая находка! – после недолгой паузы тихо процедил он сквозь зубы. Его обволакивающее шипение оседало над станцией сизым туманом. – Феникс, двенадцать спиралей! И уже почти готова! Как жаль, что сегодня у меня нет с собой нужного резервуара! Но я вернусь за тобой, обещаю! До скорой встречи!

С этими словами он отвернулся. Подол чёрного кожаного плаща взметнулся в воздух, и мужчина нырнул в белую бетонную стену как в молоко. Я снова вздёрнула напряжённую, налившуюся сталью руку и кинулась за ним, но в этот момент кто-то уверенно схватил меня за локоть:

– Выход с перрона в другой стороне.

На моё запястье лёг потрёпанный и мокрый верблюжий браслет. Застегнулась прозрачная пуговичка. Я обернулась и столкнулась нос к носу с Черновым. Поудобнее взявшись за ручку моего чемодана, он протянул мне мои наушники:
– Пойдём. Я тебя подвезу.

* * *

– Зря ты с ним сцепилась, – словно между прочим подметил Чернов, заводя мотор «доджа». – Таким, как он, лучше не переходить дорогу, если не хочешь нажить себе проблем.

Ёжась от внутреннего холода, я растирала онемевшие и всё ещё немного одеревеневшие пальцы.

– И девушку зря обнадёжила. Мы не успели бы ей помочь, она была так энергетически слаба, что не протянула бы на острове и пары дней. Впрочем, это уже не важно, ведь её душа теперь у коллекционера...

– Кто он такой?

– Коллекционер приходит к тем, чьё сердце кровоточит. Он чувствует уныние, острую тоску и душевную боль за версту, как акула – свежую кровь. Как ты – красный оргон. А вот кто он – злодей, подло пользующийся чужим горем, или избавитель от тяжких мук – ответ для себя сама. Я бы сказал, что и тот, и другой. Он спасает душу от смерти. От метаний между раем и адом. Аура жертвы кристаллизуется, застывает в его резервуаре, как муха в янтаре – прекрасная в своей

грации, но обречённая на вечное заточение.

– А если пробирку разбить, то жертва освободиться?

– Нет. Она погибнет. Разрушится вместе с сосудом. Человеческие души слишком хрупки...

Я растерянно замолчала.

– Иногда коллекционеры шутки ради ловят лярв и бесов. И так же для развлечения натравливают их на своих врагов. Так что будь осторожна – если он собственноручно разбил пробирку, значит, в ней был не человек. Таким образом можно выпустить только беса.

– Вы думаете, он придёт снова?

– Конечно. Ты знатно его потрепала, он обиделся и теперь не успокоится, пока не отомстит.

– И что мне делать?! – в моём голосе зазвенело отчаяние.

– Вы будете проходить обитателей верхнего астрала на географии в грядущем семестре. Пока уясни, что с существами высшего порядка опасно тягаться силой, как с неразумными тварями. Это уже не бес, а полноценный демон. У него есть сверхспособности и сознание, близкое по уровню развития к человеческому. Он умеет дать отпор. А ещё он умеет говорить. Это, пожалуй, самое мерзкое...

– Вы ведь мне поможете?!

– Ты сама себе поможешь. Пока твоё душевное состояние уравновешенное и стабильное, он не сможет тебя одолеть. Береги свою душу от сердечной боли – это лучшая защита от коллекционеров и прочей нечисти.

Я внезапно вспомнила про Пашу, и в груди что-то неприятно сжалось.

– Легко сказать, – мои пальцы нервно теребили перчатку. – Особенно когда на каждом шагу – куда ни пойдешь – тебе постоянно пытаются разбить сердце...

– Если не хочешь, чтобы тебе разбили сердце, не представляй его стеклянным, – Чернов плавно перестроился в правый ряд, объезжая аварию. Два покорёженных автомобиля стояли посреди дороги, усыпанной светлыми осколками и тёмными железяками. Я тревожно проводила их взглядом, а бенефактор невозмутимо добавил. – Сердце из металла – тоже не лучший выбор. Пусть оно будет текучим, как вода, и лёгким, как воздух. Твёрдое и упрямое трескается и ломается, гибкое же поддается лишь на время, а позже восстанавливает свой первоначальный вид. Ветер и вода – вот у кого нужно учиться гибкости, и тогда ничто острое тебя не ранит, и ничто тяжёлое не прибьёт к земле.

Я прислонилась затылком к подголовнику и закрыла глаза. Что-то в этом есть. Ведь даже гипнотические пробирки коллекционера недаром сделаны из стекла – символа хрупкости. От одного только взгляда на них чувствуешь себя крохотным мотыльком с ломкими крылышками...

Мотор «доджа» мерно гудел, шины, шурша по асфальту, везли меня по ночному Невскому проспекту. Так странно это всё, конечно. Неужели Чернову больше нечем заняться, чем в полночь встречать свою подопечную на вокзале, чтобы

подвезти до общаги...

И вдруг меня осенило:

– Я поняла! – воскликнула я, дёрнувшись. – Вы не случайно там оказались! Вы это всё придумали, чтобы надавить на меня! Уговорить «спасать» вместе с вами этих девушек! А может, и девушки-то никакой нет! Может вы сами прикинулись той сумасшедшей с фосфорными глазами! О, как же я сразу не догадалась! Вы ведь так уже делали при мне – создавали астральные проекции!.. А этот тип в пальто – наверняка какой-нибудь маг, ваш с Петром товарищ!.. Здорово! Такой эффектный спектакль – и всё ради одной меня!..

Я захлопала в ладоши, изображая аплодисменты. Скрипач напряжённо вздохнул и побарабанил пальцами по кожаной оплётке руля, но ничего не ответил и ни на секунду не отвёл взгляда от дороги.

– Молчите – значит, нечего возразить. Я попала в точку! – обрадовано поставив локоть на подлокотник между нашими сидениями, я случайно задела его плечом и тут же задумчиво присмирела. – Только одного не пойму – для чего вам пугать меня этим коллекционером?.. И зачем вы подстроили аварию на дороге?

– Понятия не имею, – с усмешкой «признался» Чернов.

– И как вам удалось так быстро, буквально за секунду, вылезти из пробирки? Да ещё и успеть найти мой чемодан, браслет и наушники?!..

– Ну, это легко, – он припарковался напротив двери об-

щежития и искося посмотрел на меня. – Я просто воспользовался способностью уробороса управлять временем.

– Запрещающие печати не позволили бы вам колдовать!

– Да, снова не сходится, – кажется, он уже открыто меня журил. – Но, я уверен, ты и это сможешь объяснить, если ещё немного подумаешь. Например, скажешь, что я тебя за-гипнотизировал...

Опять издевается! А ведь мог и правда за-гипнотизировать, но выворачивает всё так, будто я несу бред!.. Раздражённо откинув ремень безопасности, я выскочила из машины, вытащила из багажника свой чемодан и, даже не попрощавшись, покатила его в общагу.

– Ника? – позвал Чернов, опустив стекло. Я обернулась. – Ты так старательно придумываешь все новые и новые легенды, потому что тебе больно видеть реальность. Но это хорошая боль. Она нужна, не противься ей. Однажды она вывернет тебя наизнанку, и твоя слабость превратится в силу.

Мой кулак стиснул ручку чемодана. Казалось, ещё чуть-чуть, и металл треснет наполоам. А если я не хочу выворачиваться наизнанку?!

– Горите в аду!!! – отчаянно рывкнула я, убегая от него прочь.

Он рассмеялся мне вслед.

Глава 6. Ненависть и любовь

Если новый семестр начинается с пары по истории – это не к добру. Едва увидев расписание, мы с Лизкой приуныли и нехотя поползли наверх, в ненавистный кабинет с огромными настенными часами. Хотя Савелий Моисеевич больше не работал в ЛИМБе, его энергетика, видимо, всё ещё гуляла по коридорам института и витала в стенах унылой аудитории.

Перед первой лекцией мы ходили в курилку, чтобы собрать последние слухи по поводу ареста историка, но пока никакой конкретики не было. Точно известно только одно: Савелий не Светлоликий. В остальном определённости нет. Даже не понятно, по какой статье его будут судить. Если он использовал исключительно своё служебное положение для принуждения девушек к съёмке, а может и к чему-то большему, то дело направят в суд для обычных людей, и там он получит стандартный срок – лет пять. А если применялись магические способности, то его будут судить в Аду и, скорее всего, дадут лет пятнадцать. В любом случае, расследование в самом разгаре, и подробности пока не разглашаются. Что касается исчезновения девушек, то здесь он молчит как рыба. Точнее, полностью отрицает свою вину и утверждает, что ничего об этом не знает. Может он и не врёт, потому что многое в этой истории не сходится. Например, девушек всегда похищали в новолуние или близко к нему, а в

тот день, когда его застукали в фотостудии, были двадцатые лунные сутки, что сильно раньше нужного срока. Во-вторых, как оказалось, пропавшая Травникова не была девственницей – это тоже не вписывалось в известную картину. Ну и в-третьих – Савелий совершенно не умеет работать с бесами, а люди Светлоликого перед кражей ослабляли своих жертв с помощью крылатых подселенцев...

Зато мой бенефактор отлично находит общий язык с бесами, но, в конце концов, может это просто совпадение? Возможно, этому его научили в следственном отделе ФСБ?..

– Чернов – мент, – выдохнула я, когда мы с Лизкой поднимались по лестнице, ведущей на верхний этаж. Грудь сдавило, воздуха не хватало – то ли потому что я слишком быстро бежала по ступеням, то ли от волнения, что мне предстоят долгие объяснения с друзьями.

Лизка расхохоталась в голос:

– А что, версии с фениксом и уроборосом больше не в моде?

– Это вообще отдельная тема...

– Я уже в предвкушении, – хихикала подруга, уводя меня дальше по коридору. – Кем он станет завтра? Хотя нет, пожалуй, мент – это высшая каста. Всё. Он достиг в твоих глазах финальной формы развития...

Понятно, с Лизкой говорить бесполезно. У неё только одно на уме, а мне сейчас вовсе не до любовных сплетен. Может быть, хоть Яшка выслушает меня нормально, без подко-

лов?.. Вот, кстати, и он. Лёгко на помине.

– Девки, вы видели, кто у нас теперь ведёт историю?! – догнав нас, проорал запыхавшийся парень. – Фига себе! Вот это рокировка!

– Сыр, на тебе лица нет, – фыркнула Чародеева. – Не томи, скажи, всё плохо? Или всё хорошо?

– Да чёрт знает! – озадаченно выдохнул Яшка и тут же перешёл на шёпот. – Тссс! Тише! Она за нами идёт. Сейчас сами всё увидите!

Взяв обеих под руки, чтобы не оборачивались, Сыроежкин протолкнул нас в аудиторию под колокольные раскаты звонка, оповещающего о начале пары. Мы суетливо расселись по партам. Лизка с любопытством таращилась на дверь. Я заранее готовилась к худшему.

Прежде, чем преподавательница вошла, в зал проник цветочный аромат её духов – сладковатый, как сахарная пудра, и щекочущий нос жасминовым шлейфом. Потом у порога цокнули изысканные каблукы молочных туфель-лодочек. Качнулся в воздухе расширяющийся книзу подол кружевного белого платья. Блеснула в узком треугольном декольте золотая подвеска с прозрачным камнем-конусом, похожим на маятник. Знакомая умилительно-добрая улыбка озарила зал невидимым светом.

Какая же она милая, романтическая и ранимая – так сразу и не поверишь, что от руки этого ангельского существа, если оно разозлится, могут покрываться льдом дороги и страдать

в авариях невинные люди...

Пальчики с аккуратным френч-маникюром кокетливо поправили светло-медовую прядь волнистых волос. Тётя Белла шагнула в аудиторию и проворковала своим нежным девичьим голоском:

– Доброе утро, мальчики и девочки. Рада всех видеть на моём занятии. Пожалуйста, садитесь.

Жемчужно-розовая сумочка опустилась на выдавший вид стул, который ещё недавно протирала задница Савелия Моисеевича. Ведьма огляделась по сторонам и вздохнула:

– Да, аудитория далека от идеала. Сейчас она вовсе не соответствует состоянию моей души, да и вас наверняка вгоняет в серую скуку. Нам предстоит много работы, чтобы привести тут всё в порядок и наполнить свежей энергией, но об этом позже. А пока – давайте познакомимся. Меня зовут Белла Евгеньевна Ионова. Лучше просто Белла. Я буду вести у вас лекции и практические занятия по истории...

Осторожно сев на краешек стула, словно боясь запачкать обшарпанным сиденьем платье, она открыла журнал. Пробежалась глазами по нашим фамилиям, заглянула в оценки за первый семестр и тогда только подняла взгляд на зал:

– Кое с кем из вас я уже знакома, – пропел мелодичный голосок. Я вжала голову в плечи, но она обратилась вовсе не ко мне, а к Яшке. – Например вы, Сыроежкин. Не могу не признаться, что я до сих пор восхищена вами, молодой человек! Вы прекрасно вальсируете! Такой искусный танцор непре-

менно должен иметь «пятёрку» по моему предмету. Понимаете, к чему я?.. Не смущайтесь. Если вы чего-то не умеете, то я обязательно всему вас научу. Обещаю, вам понравится со мной работать так же, как мне понравилось с вами танцевать...

Яшка поёжился и скрылся за стоящим на парте учебником, медленно сползая вниз по спинке стула. Я тихо хмыкнула.

– А вы, Антипова, не переживайте, про вас я тоже не забыла, – надув трогательные пухлые губки, Белла Евгеньевна пояснила залу. – Долгое время я была бенефактором этой нежной особы, пока она, как это часто случается у юных девушек, не пошла на поводу у своих романтических фантазий. Увы, Антипова не удовлетворилась моей бесценной помощью – или, по всей видимости, попросту решила поменять меня на кого-нибудь посимпатичнее – поэтому упростила красавца Льва Станиславовича взять её под опеку и теперь вьётся за ним маленьким глупым хвостиком в надежде на что-то большее...

В зале заахали. Любопытные взгляды всего потока обратились ко мне, и я почему-то пристыдилась. Вроде бы, моя совесть чиста, и скрывать нечего, но понимая, что непроизвольно краснею, я смутилась ещё больше и даже не решилась возразить.

– Вообще-то это он вился вокруг Ники почти месяц! – выкрикнула с задней парты Лизка. – Всё упрашивал позволить

ему стать её бенефактором и вот, наконец, она сдалась!..

Белла Евгеньевна осеклась. Длинные ногти растерянно цокнули по облупившемуся преподавательскому столу.

– Леди, а вы у нас кто? Назовите, пожалуйста, вашу фамилию, – в её ласковом голосе сквозила сладость наливных ядовитых яблочек.

Меня внутренне потрянуло. Кажется, назревает что-то очень, очень нехорошее. Ладно я, но за Лизку стало совсем страшно – как бы она сейчас тоже не попала под горячую ведьмину руку.

– Елизавета Чародеева, – встав, уверенно представилась подруга. – Маг, работаю с оранжевым оргоном. Моя мать астролог, но я планирую стать адвокатом по делам Антикриминального Департамента.

– Заметно, – Белла скривила личико в подобии улыбки. – Что ж, тренируйтесь, коллега, это не возбраняется – только, желательно, в свободное от лекций время. А пока, с вашего позволения, мы начнём занятие...

Уф, обошлось! Лизка плюхнулась обратно за парту, а я, обернувшись к ней, прижала палец к губам, намекая прекратить трепаться, пока не стало ещё хуже.

– Савелий Моисеевич был чудесным преподавателем, когда я у него училась, – между тем, снова заговорила Ионова. – Он многое нам открыл, но, к сожалению, время отнеслось к нему беспощадно. Он не смог оседлать волну. Не успел за темпом современной жизни, поэтому состарился и

преждевременно лишился здравого рассудка... Кстати, девочки-маги, попрошу взять на заметку. Даже человек с двумя спиральями может повернуть вспять время и остановить старение. И если вы будете внимательно слушать меня на лекциях, то, возможно, я смогу передать вам из первых уст секрет вечной юности и красоты...

Судя по тому, как молодо выглядела мать пятерых детей, она и правда знала какой-то секрет. Первокурсницы заметно заинтересовались и притихли, готовясь записывать новую тему. Следом за ними и я, вздохнув, раскрыла тетрадь.

– Ника, скажите... – Белла вдруг снова перевела взгляд на меня, и ручка произвольно выпала из моей руки. – Как вы считаете, сколько мне лет?

Странный вопрос, конечно. Не иначе как с подвохом, но я не дала себе времени об этом задуматься, да и о чём тут думать. Спросили – надо отвечать.

Войти в рабочее состояние получилось легко. Задержав дыхание, я закрыла глаза и погрузилась по очереди в несколько кротовых нор, пытаясь среди многообразия красок и энергий почувствовать пульсацию первородного атома. Крохотная клеточка, с которой начинается новая жизнь, навсегда остаётся самой яркой частицей в теле человека. Если притихнуть и остановить удары своего собственного сердца, то ощутить её не составит труда. А начало её биения и во все похоже на оглушающий взрыв от столкновения двух нейтронных звезд...

– Вы родились в ночь на первое ноября, – проговорила я глухим голосом. Зрение ко мне уже вернулось, но сфокусировать взгляд на её лице я пока не могла. – Наутро во Владивостоке выпал первый снег, все деревья и улочки стали белые-белые – поэтому вас называли Беллой. Это было тридцать пять лет назад.

Ведьма молчала. Её по-доброму сощуренные небесно-голубые глаза, блистая перламутровыми тенями, смотрели на меня не отрываясь, и только я одна чувствовала, как они втыкали в меня, словно в куклу вуду, мелкие острые иголки.

– Время – лишь условность, Белла Евгеньевна. Ой, то есть, я хотел сказать, просто Белла, – отважно пришёл мне на помощь Яшка. – Вам столько лет, на сколько вы себя ощущаете – и ни днём больше.

– Вот это я понимаю, Сыроежкин, – длинные, закрученные кверху ресницы преподавательницы умиленно дрогнули. – Отличный ответ. Чётко, быстро и профессионально. Вы определённо заслуживаете наивысшего балла. Не то, что всякие там выскочки-фениксы, избалованные чрезмерным вниманием бенефактора...

Белла Евгеньевна прервалась и снова зыркнула на меня своими выразительными светлыми глазами. Столько всего плескалось в этом молчаливом ревнивом взгляде, что я сразу поняла: всё. Мне крышка. Её экзамен мне летом не сдать.

Он ложится спать около трёх часов ночи, а встаёт в семь, чтобы успеть приехать в институт к первой паре. Почти не спит – и времени на то, чтобы его просканировать, остаётся очень мало. Когда я беру в руки его запонку, мне нужно минут сорок только для настройки – влезать в ауру без разрешения, оказывается, не так-то просто. А когда я в итоге настраиваюсь, то вижу лишь неконтролируемый поток кошмарных снов и воспоминаний, вроде того побега в лесу. Похоже, годы пребывания в монастыре, среди монахов, пытавшихся изгнать из него «злого духа» с помощью запрещающих печатей – это самый глубокий его «шрам». Теперь ясно, откуда эта тяга к тьме и почему он лютой ненавистью ненавидит всё христианское. Почему после освобождения от насильного затворничества, где его брили налысо, чтобы нанести на череп обжигающие печати, отпустил длинные волосы. Почему, окончательно разрывая связь с прошлым, сменил не только имя, но и фамилию – ведь родился он под другой. Под какой именно, я прочесть так и не смогла. Детская память будто стёрта. Выжжена дотла пожарищем, как стены старого монастыря...

Я жалела и ненавидела его одновременно. Ужасное чувство. Агата Анатольевна считает, что ни в коем случае нельзя смешивать в алхимическом котле своей души жалость и и

любовь, эти два ингредиента соединённые вместе разрушают и субъекта, и объекта. Но почему она ничего не говорит о ненависти? Ведь жалость и ненависть – комбинация ещё более гадкая. Меня разрывало напополам.

Отодвинув в сторону цветные карандаши, я размяла спину. На плотном листе бумаги передо мной возвышались острые тёмно-серые пики куполов. После пожара монастырь отстроили заново из красного кирпича, а стёкла украсили белыми коваными витражами. На территории выкопали небольшой прудик, посадили розы и ракитник. Сзади по-прежнему вздымался сплошной стеной древний лес, а вот спереди к каменным воротам для удобства туристов и паломников подвели новую асфальтовую дорогу... Всё это я зарисовала сегодня по памяти – проклятая картинка стояла перед глазами уже несколько дней, и я надеялась «выгнать» её из головы, переселив на бумагу.

– Слушай, Ник, а что если нам залить твой рисунок в интернет и запустить поиск по фото? – склонившись над моим художеством, предложила Лизка.

– Да ты что, – отмахнулась я. – Я не так точно рисую. Это же просто схематичный набросок...

Но Чародеева уже зачесала рыжую волнистую прядку за ухо и, чавкнув жвачкой, нависла над столом с телефоном, чтобы сфотографировать лист со всех ракурсов.

– Ну вот, пожалуйста. Спасо-преображенский монастырь в Псковской области. Один в один!

- В Псковской?! Ты уверена?.. От Рязани довольно далеко...
- Зато от Питера близко. Съездим туда на выходных?
- Зачем?
- Как зачем? Нужно проверить, правду ли ты видишь в своих снах...
- Это не совсем сны. Точнее, сны, но не мои.
- Тем более. Чернов может чувствовать твоё сканирование и «подсовывать» ложную информацию.
- Для лжи слишком реально. Вряд ли можно так подробно передать все кошмары, страхи и физическую боль.
- Можно, Ника. Он маг. Он может всё.
- Ну, хорошо. Допустим, мы приехали в Псков. Что дальше? Это было давно. По моим меркам прошло не меньше полувека.
- Поговорим с монахами, у них могли сохраниться легенды о пожаре. Или даже кто-то из стариков ещё не помер, как та бабка из Боголюбовки... Короче, на месте разберёмся. Эй, ты чего?..
- Не знаю, – я завернулась в плед и сжалась, с ногами забравшись на кровать. – Странное ощущение. Как будто я боюсь возвращаться туда, где никогда раньше не была...

Глава 7. Без промаха

В раковину капает вода. Кап-кап-кап. Течёт по фаянсовой стенке, оставляя рыжую дорожку. Надо бы пожаловаться коменданту, чтобы починили старый кран – подумала я, прикрывая за собой дверь ванной комнаты. Ещё и лампочка сейчас почему-то мигает и светит тусклее обычного – не иначе как скоро выключится.

Этим утром моё лицо в отражении казалось совсем бледным, а если протереть краешком полотенца мутное зеркало, что я и сделала по привычке, то можно было даже разглядеть тёмные круги под глазами. Хоть я и бессмертная, мой ресурс не бесконечен. Сегодня вечером плюну на эти бесполезные ночные сканирования и всё-таки лягу спать пораньше...

Наклонившись над раковиной, я включила воду похолоднее и умылась. Потёрла лицо ладонями, разогревая. Снова ополоснула его ледяной водой. Подняла взгляд, надеясь увидеть в отражении порозовевшие щёки, но тут же ахнула и отшатнулась.

Синяки вокруг моих глаз из просто тёмных превратились в неестественно чёрные. И вообще, это уже были вовсе никакие не синяки, а круглые очки коллекционера.

– Прекрасно... – прошипел демон, и прозрачная гладь зеркала пошла волнами от его шёпота, будто вода. Чёрные усы дрогнули, тонкие губы растянулись в улыбке. – Как пре-

красно и отвратительно ты сегодня выглядишь. Чем слабее тело, тем ярче душа!..

– Уходите... – пробормотала я, зажмурившись и снова открыв глаза.

До последнего надеялась, что это просто сон или галлюцинация, но нет, гость в кожаном пальто по-прежнему стоял по ту сторону зеркала. И, похоже, чувствовал себя как дома. Взяв с полочки флакончик Лизкиного парфюма – точнее, его отражение – он поднёс его к запястью и нажал на распылитель. Приторный фруктовый аромат отчётливо поплыл по ванной комнатке, при этом реальные духи продолжали стоять на полке – целыми и нетронутыми.

Коснувшись руки кончиком носа, коллекционер сделал медленный вдох, дёрнул усами и скривился, будто раскусил лимон:

– Столь откровенная безвкусица могла появиться только в мире людей! Насколько красив флакон, настолько же его содержание – уродливо. Всё должно быть наоборот. Резервуар – всего лишь скромное дополнение к той драгоценности, что хранится внутри. Хочешь, я покажу тебе твою новую обитель?..

С этими словами он расстегнул пальто и постучал ногтем по пустой пробирке – чуть расширяющейся книзу, с круглым красным колпачком из дутого стекла. В ней не было ничего особенного, и вместе с тем при виде неё меня охватил животный ужас – как у маленького зверька рядом с огромным

кзыкастым хищником, раскрывающим голодную пасть. Кто-то свыше будто поставил меня перед выбором – сдаться могущественной разрушительной силе и тихо умереть или, распушившись и выпустив коготки, сражаться. Я выбрала второе.

– Убирайтесь вон!!! – заорала я изо всех сил. Эхо больно ударило по ушам.

В ответ, криво ухмыльнувшись, он вытянул вперёд руку. Круглый алый символ, загоревшийся в центре его ладони, отразился от зеркала и лёг знакомыми контурами прямо мне на лоб. Кожа вздулась, в глазах от боли потемнело. Запрещающая печать!

Дрожащими пальцами я нащупала на полочке деревянную шкатулку для украшений, выудила с самого дна, из-под браслетов и цепочек, запонку со знаком Сатурна и воткнула себе в руку в том месте, где быстро-быстро билась венка пульса. Крылья, резко раскрывшиеся за моей спиной, прошли насквозь стены общежития и раскинулись двумя гигантскими чёрными полотнами по длинным коридорам.

– Ещё не готова. Как жаль, – коллекционер с сочувствием отряхнул со своего плеча крошки побелки. – Не сегодня, но уже скоро. Я подожду. Скоро всё случится...

Дверь ванной комнаты распахнулась, на шум прибежала Лизка, впопыхах затягивая поясом пушистый халат. Всего на секунду застыла на пороге – и вот она уже хватает с полочки тот самый флакон духов и с размаха швыряет его в зеркало.

Громкий звон заглушает её запоздалые ругательства. Стекло разбивается, разлетаются повсюду мелкие осколки. Коллекционер кривит губы, будто ему больно, отшатывается назад, и очертания его фигуры теряются в чёрных трещинах: – Ещё увидимся, феникс!

С исчезновением незваного гостя лампочка загорелась в полную силу, и её перестало «коротить». В остатках зеркала теперь снова угадывалось моё лицо – невыспавшееся и бледное. Я с усталым стоном опустилась на краешек унитаза.

По ванной плыл, кружа голову, приторный фруктовый аромат парфюмерной воды. Всюду валялись куски штукатурки. Из соседней комнаты через узкую, но длинную дыру в стене кто-то громко возмутился, что «с этими фениксами никакой личной жизни».

– Что это за извращенец в пальто? – голос у Лизки сел, но она старалась не подавать вида, что испугалась. – Твой новый поклонник? Если твой, то тебе за ним и убирать!..

Крылья рассеялись, от них остался только едва заметный, пахнувший канифолью дымок. Спрятав запонку обратно в шкатулку, я взялась за метлу и принялась сгребать осколки в одну кучу.

– Я пока поговорю с комендантом, – вздохнула Чародеева, снимая с вешалки свою студенческую форму. – Наплету ему, что ты всех нас спасла от неизвестной страшной сущности, и попрошу, чтобы не сдавал тебя куратору...

Да, заговаривать зубы Лизка умеет прекрасно. Надеюсь, у

неё и в этот раз получится, и расследовать подробности произошедшего комендант с Черновым не будут. А то ведь так и до обыска недалеко – придут осматривать место «преступления», найдут у меня волшебную запонку – и вот тогда мне точно крышка. Чернов, в отличие от коллекционера, ударит без промаха...

* * *

Во всех ведомостях и документах, где Яшке нужно было указывать фамилию своего бенефактора – Агеев – он умышленно писал её строчными символами и без буквы А. Первая буква просто убегала в неизвестном направлении – или «случайно» не пропечатывалась, если текст набирался на компьютере. Казалось бы, мелкая пакость – а змею всё же было приятно в который раз отравить репутацию нерадивого отца.

– Ты на каникулах домой ездил? – спросила Лизка, с хлопком открывая бутылку оранжевого оргона. В воздух над холлом взвилось облачко едва заметных прозрачных пузырьков. – Они всё ещё вместе?

– Да, – сморщился Сыроежкин, изминая пальцами ведомость об очередной индивидуалке, которую он как всегда прогулял, но снова получил «отлично». – Мать переехала к нему в Петербург. Звали меня с ними жить или хотя бы в гости, но я, разумеется, отказался.

– А комнат там сколько? – деловито поинтересовалась Ча-

родеева. – Далеко от института?

– Нет, здесь рядом, на Васильевском острове. Пять комнат и терраса на крыше, – ещё сильнее скривив нос, буркнул Яшка.

– Понты! За эксперименты над людьми хорошо платят! – рыжая сделала пару глотков из бутылки. – Я бы съездила на разведку. Всё лучше, чем тухнуть в общежитии.

– А ты сама-то! – огрызнулся Яшка. – Зачем папины хонорары на общежитии променяла?

– У меня важная миссия – я переехала, чтобы защищать Нику! И, как сегодня выяснилось, не зря!..

– Тоже мне нашлась телохранительница... – бухтел Сыр, не желая слушать. Подписавшись под словами «с оценкой ознакомлен», он махнул ручкой, как волшебной палочкой, в сторону проходной. – Вон, пусть ваш ненаглядный некромант её защищает.

Убирая пропуск в карман куртки, в холл действительно вошёл Колдунов, да ещё и не один, а с Юлей. Блондинка на ходу тыкала пальцем с длинным ногтем в телефон, держа нового кавалера под руку. Пару раз она споткнулась и чуть не упала со своих высоченных каблучиц, но и тогда в реальность не вернулась. Паша же, напротив, шёл очень осторожно, встревожено озираясь по сторонам. Бойся, что увижу их вместе?.. Скривившись, я отвела взгляд.

– На этого бабника надежды нет, – допив оргон, Лизка с грохотом бросила пустую бутылку в урну. – У него теперь

свои дела. Вчера даже на занятия не явился – небось, Юлька за выходные выпила все соки. А сейчас, глядите, проспался и притащил свою задницу в институт. Ещё и не палится, смотрит так наивно. Наверняка у него уже и объяснение готово – о том, что ты «всё не так поняла». Ника, не ведись! Не вздумай говорить с ним!

Взяв под локоть, рыжая уверенно потащила меня к лестнице, ведущей наверх.

– Малышка, доброе утро! Как дела?

Едва ли сегодняшнее утро можно назвать добрым. Да и дела мои хуже некуда, но я лучше промолчу – всяким предателям знать это вовсе не обязательно. Чародеева настойчиво потянула меня за руку, мол, не задерживайся. Отвернувшись, я стала подниматься за ней по ступеням.

– Эй, девчонки, вы куда?..

Бережно, но быстро усадив Юлю на банкетку в холле, парень поправил рюкзак на плече и сорвался следом за нами.

– А действительно, куда мы? – шепнула я на ухо подруге.

– Какая разница! – тоже шёпотом ответила та. – Туда, где он не будет тебя доставать. Если ничего лучше не придумаем, то в женский туалет! Главное – не оборачивайся!

– Подождите!..

Сизо-фиолетовый оргон, потянувшийся за нами снизу, сковывал ноги, и создавалось ощущение, что мы передвигаемся в желе. Как в кошмарном сне – пытаешься убежать от монстра, но путаешься в одеяле. Лестница казалась беско-

нечной, и когда мы, наконец, прибежали наверх, обе вымотались так, словно поднимались на вершину небоскрёба.

На третьем этаже былолюдно и шумно, голоса студентов сливались в один сплошной монотонный гул, однако стоило сиреновой дымке доползти до коридора, все как по команде притихли. Время замедлилось. В гробовой тишине, протяжно и ниже, чем обычно, прозвенел звонок, и ребята, пошатываясь, словно зомби, начали медленно разбредаться по аудиториям.

Паша догнал нас прямо у уборной.

– Ника! – поймав за руку, он развернул меня к себе. Кажется, это был первый раз, когда он обратился ко мне по имени, без всех этих «малышей». – Поговори со мной!

– Не о чем ей с тобой говорить!.. – Лизка попыталась оттолкнуть его, но парень прохладно её осадил:

– Не лезь не в своё дело.

– Что?! – задохнулась та. – Как ты со мной разговариваешь! Это моя лучшая подруга вообще-то!..

Паша легонько коснулся мизинцем её плеча. А может быть даже, не коснулся, просто его рука ненадолго зависла в воздухе рядом с девушкой, и та, побледнев, резко замолчала. По её щекам, как трещины по сухой земле, побежали тёмно-лиловые изломанные полосы – это почернели и вздулись под кожей её одеревеневшие вены. Она качнулась, словно у неё подкосились колени, юркнула в уборную и выкрутила до упора холодную воду, пытаясь смыть с себя магию. Мы с Па-

шей остались наедине в опустевшем коридоре.

– Малыш...

– Катись к чёрту! – рывкнула я и постаралась быстро улизнуть обратно на лестницу. Но куда там – теперь Паша бежал за мной уже вниз, а впереди него тёк по ступеням, сбивая меня с пути, парализующий фиолетовый оргон. Споткнувшись, я чуть не потеряла ботинок – он наполовину слетел с ноги – и схватилась за кованые перила, чтобы не упасть.

– Осторожно! – парень в два счёта оказался рядом. Он хотел меня придержать, но я увернулась. – Что происходит? Почему ты избегаешь меня?

– А ты сам не понимаешь?! – я попыталась вдеть ногу обратно в обувь, но без ложки это было не так-то легко.

– Не понимаю. Иначе бы не носился за тобой по всему ЛИМБу, – он произнёс это спокойно, не повышая голоса, просто чуть быстрее, чем обычно. – Что стряслось? Опять проблемы с бенефактором?

– Мои проблемы тебя не касаются! – наспех ослабив шнурки, я, наконец, обулась и распрямилась, чтобы посмотреть ему в глаза. – Лучше расскажи, как ты отдохнул тут без меня на каникулах?

– Так себе.

– Не ври! Я всё знаю про вас с Юлей!

– Малыш, я думал, мы давно уже обсудили эту тему с алхимическими андрогинами и пришли к пониманию. Пожалуйста, не злись на нас. Юля недавно рассталась с парнем,

ей сейчас и так нелегко, она вынуждена принимать антидепрессанты...

– Зачем антидепрессанты, если есть ты!

– Не понял.

– Ты вернулся в Питер её утешать, и до последнего дня каникул вы жили вместе! Депрессию, полагаю, сняло как рукой! Я очень рада! – в моём голосе звенели слёзы. – Только немного переживаю за вас. Видимо, вы так влюблены, что часов не наблюдаете, вот и прогуляли вчера весь учебный день! Плохая, знаешь ли, идея – прогуливать занятия на последнем курсе. Так и вылететь за миг до триумфа недолго!..

– Что?! – на его лицо на секунду сошла тёмная тень, в зрачках мелькнул злой огонёк. – Что за чушь?!..

Я непроизвольно поёжилась, по ногам начал мурашками подниматься леденящий мороз, как будто я стояла босая на снегу. Паша резко стал другим – таким бессердечным и холодным я помню его разве что в день нашего знакомства в клубе. Потом в какой-то момент он просканировал меня, подстроился, надел *живую* маску. Вплоть до сегодняшнего дня только пальцы, лишённые тепла, выдавали его настоящего, а сейчас маска слетела, и я увидела за ней чужого человека, всё это время прятавшегося в тени. Бесчувственного. Мёртвого. Стало страшно – как в фильме ужасов про теневую часть личности, который мы с ним когда-то вместе смотрели в кино...

Вверх над моими плечами поплыл чёрный дым. Забыв за-

шнуроваться, я побежала дальше по лестнице. Догнав, Паша снова схватил меня, на этот раз за предплечье, а когда я развернулась, готовясь перевоплотиться и испепелить его в прах, он вдруг молниеносно расстегнул свой рюкзак и потряс всё содержимое мне под ноги.

Воздух взорвался фиолетовым оргоном. Я оглохла, обмякла, мысли резко смолкли. Стало спокойно и как-то чересчур тихо. Поверх учебных папок, файлов и исписанных альбомных листов бесшумно лёг, выпав с самого дна сумки, паспорт, из которого торчал розоватый железнодорожный билет.

– Я не прогуливал занятия. Кузнецов официально дал мне академ на понедельник, потому что в выходные поезда не ходили.

Подняв документ, некромант раскрыл его и подставил мне под нос. Деревня Люболяды – было выбито светло-серым шрифтом место отправления. Путь не близкий, с пересадкой в Луге. Плацкарт, верхняя боковая полка. В конечный пункт – Санкт-Петербург – поезд прибыл сегодня в шесть утра.

– До последнего дня каникул я оставался у бабушки, – глухо пояснил Паша. – Она застудила суставы, и от боли не могла встать с кровати. Нужно было привезти продукты и лекарства из города. Набрать воды из колодца. Убраться. А ещё у неё хозяйство: куры, гуси, коза, собака. Скоро ей будет восемьдесят пять, но она сама всю зиму о них заботится. Как

ты уже знаешь, её сын – мой отец – умер двадцать лет назад. А после смерти дедушки в прошлом году помочь ей больше совсем никому. Поэтому я и поехал туда – не смог бросить её одну в трудный час. Когда-нибудь она тоже уйдёт за черту, и тогда мне не нужно будет никуда ехать, чтобы с ней пообщаться. Но не сейчас. Не сейчас. Пока ещё не время...

Под ворохом его мертвецки спокойных объяснений я опешила. Фиолетовый туман рассеялся, чёрный дым тоже. Перестали колотиться током напряжённые лопатки. Теперь кололо только в груди. Было жутко совестно.

– Почему ты подумала, что я тебя обманул? Кто тебе такое сказал?

– Никто... – проблеяла я. – Паша, извини меня, пожалуйста. Я ошиблась. Просто... мне... это приснилось.

Карие глаза, моментально смягчившись, сощурились в улыбке:

– Ох, иди сюда, глупенькая... – прежний Паша вернулся. Притянув меня к себе, он ласково провёл холодными пальцами по моим волосам. – Малыш, да, я всё понимаю. Твой дар совершенствуется с каждым днём, и тебя всё чаще могут посещать видения, до мелочей сбывающиеся в реальности. Так бывает, это нормально. Но всё же иногда сны – это просто сны...

Придерживая за плечи, он осторожно, как несмышлёного ребёнка, повёл меня по ступеням на нижний этаж:

– Не бойся, малышка. Я тебя не обману. Я тебе предан

и буду ждать столько, сколько понадобится. И давай отныне договоримся: если тебя что-то тревожит, сначала обсуди это со мной, и только потом уже – с другими. Хорошо?..

Спиной, напряжённым онемевшим затылком я почувствовала, что следом за нами на площадку у лестницы вышел, оставив своих студентов в аудитории, Чернов. Прислушался к обрывкам нашего разговора. Принюхался – то ли к фиолетовому оргону, то ли к клубам угольного дыма, которые, медленно переплетаясь, поднимались к куполу института...

Скрестив руки на груди, он ещё долго смотрел нам вслед, и взгляд его был мрачнее тучи.

Глава 8. Знак свыше

Увидев Чародееву, Яшка побледнел, как полотно, только не понятно – от испуга или от внезапно нахлынувшей радости. Пробормотав что-то про синий орган, который «водопадом хлещет из пробоя», он усадил её на своё место рядом со мной, а сам пересел назад и положил обе руки на затылок девушке. В такой позе он сидел половину пары по биологии, не шевелясь и впервые за всё время отказавшись записывать новый материал. Анна Александровна ничего ему не возразила. Похоже, переглянувшись с ним, она без слов поняла, что сегодня он занят практикой, а не теорией, поэтому просто посоветовала позже переписать лекцию у меня.

Правда, мне тоже оказалось не до учёбы. Тучи сгущались со всех сторон – нужно было что-то делать. Поколебавшись несколько минут, я прикрылась учебником и всё же написала сообщение Чернову:

– У меня проблемы. Утром мы снова чуть не сцепились.

Молчать дальше смысла нет. Бенефактор явно прожигал меня глазами не просто так. Видимо, комендант всё же настучал ему о моей утренней выходке, и чем дольше я теперь буду прятаться, тем больше подозрений на себя нашлаю.

– Ты о Паше? – ответа не пришлось долго ждать, но он поставил меня в тупик. Почему Чернов притворяется, что не в курсе?.. Решил воспользоваться излюбленным трюком сле-

даков на допросе? Закосить под дурачка, чтобы усыпить бдительность, развязать подозреваемому язык и выведать максимум подробностей?.. Нет, я на это не поведусь. Нужно сразу идти в наступление.

– Я о коллекционере. Если это не ваш розыгрыш, если вы не специально натравили на меня эту тварь, то теперь вы сами видите, что я не справляюсь одна! – напечатала я быстро.

– А что с Колдуновым? Он не обидел тебя?

Хороший вопрос вообще-то. Я ведь и сама не знаю, обидел он меня или нет. То, что он сделал с Лизкой, ужасало. И хотя подруга утверждала, что это был очень мягкий энергетический удар, скорее даже шлепок, мне всё равно стало не по себе. Слишком уж пугали эти на секунду помрачневшие, жестокие холодные глаза. Возможно, зайди ссора чуть дальше, он ударил бы и меня.

– Неважно, – не желая дискредитировать Пашу перед научруком, я снова перевела тему. – Скажите лучше, вы не хотите мне помогать с коллекционером из-за того, что я отказалась содействовать вам с расследованием?

Прошла пара минут. Ответа не было. Прочёл – и молчит.

– Это месть? Делаете всё, чтобы я почувствовала себя в вашей шкуре?! – настрочила я вдогонку.

Снова тишина. Может быть, тоже какой-то психологический приём – попытка молчанием?.. Ещё сильнее разозлившись, я закидала его целым ворохом сообщений:

– Нас с вами нельзя сравнивать! Вы справитесь с вашими

делами самостоятельно, а вот я одна – нет!

– Разве не за тем вы стали моим бенефактором, чтобы мне помогать?!

– Знаете, для вас это всё просто игры, а кому-то может стоить жизни!

– Почему вы игнорируете очевидное?

– Такие стычки с коллекционером опасны не только для меня, но и для окружающих! Как же вы не понимаете!..

Чернов снова появился онлайн и выдал сухое:

– Антипова, я пока ничего не понимаю. Расслабься. Дай мне тебя просканировать.

Расслабься! Легко сказать! Да я уже полгода всё никак не могу расслабиться, а он вечно только подливает масла в огонь!.. Откинув телефон, я закрыла глаза. Выдохлась так, будто все эти слова я не писала, а кричала. Нет, Анна Александровна, простите, но учиться я сегодня не в состоянии. Придётся нам всей компанией потом переписывать лекцию у старосты...

– Энергетические тела человека спрятаны друг в друга, как составные части матрёшки, – проговорила в этот момент с кафедры биологичка. – Когда вы проникаете глубже, чтобы добраться до сути проблемы, помните, что с каждой новой итерацией человек становится всё уязвимее, всё восприимчивее к вашей диагностике...

По венам бежали электрические змейки мурашек, разогревая тело изнутри, будто воду в чайнике. Ползли и щекот-

но лопались под кожей невидимые маленькие пузырьки воздуха. Чернов, в отличие от Анны Александровны, не церемонится и залезает в ауру по самые уши, наводя там кавардак. пытка продолжалась безумно долго – по ощущениям, четверть часа, не меньше – но когда я снова взяла в руки телефон, услышав вибрацию, оказалось, что не прошло даже двух минут.

– Не переживай, сегодня вы всё сделали правильно. Коллекционеров сводит с ума вид разбитого стекла, они не выносят смотреть на осколки. Однако это вовсе не значит, что в следующий раз, едва он появится, тебе обязательно нужно всё вокруг ломать. Попробуй установить с ним контакт. Извинись, в конце концов. С такими, как он, вполне можно договориться.

– Трудно договориться с тем, кто воспринимает тебя как дичь. Он хочет меня поймать. Мне нужна ваша помощь!

– Как я уже говорил, он для тебя не опасен, но твой страх перед ним делает тебя дичью, поэтому ты и ведёшь себя соответствующе – неразумно, будто глупый цыплёнок, а не феникс с двенадцатью спиральями.

– Прекратите меня оскорблять!

Только этого не хватало! Не просто отказывается помочь, но ещё и издевается! Спасибо хоть не курицей на этот раз назвал! Рассерженно заблокировав телефон, я швырнула его на край парты. Лизка, устало открыла глаза и шепнула:

– Эй, подруга, опять с Пашкой ссоришься?

Отмахнувшись, я схватила ручку, подвинула к себе тетрадь и принялась прямо посреди фразы показательно записывать за биологичкой лекцию. Тему занятия я прослушала и теперь совсем не понимала, о чём идёт речь, но решила хотя бы сделать вид, что взялась за ум.

Телефон коротко провибрировал, экран снова ожил. Мы одновременно вздрогнули, ручка беспомощно зависла у меня в руке, едва я прочитала текст ответного сообщения.

– Вау! Вот это поворот! – Чародеева присвистнула и смахнула с затылка Яшкины ладони, прерывая целительский сеанс. – Так, Сыр, хорош, мне уже полегчало!

Всю дурноту с её лица и впрямь сняло как рукой. Голубые линзы в глазах засветились кокетливыми звёздочками, на губах заиграла улыбка, и даже щёки мигом порозовели. Жирно-прежирные буквы всплывающего уведомления излечили её быстрее, чем волшебные руки уробороса.

«Ладно, цыплёнок, не злись, – писал Чернов. – Приходи ко мне завтра в 18:00».

* * *

В модном японском ресторанчике, окна которого выходили на набережную, было многолюдно, но при этом уютно и спокойно. Квадратные восточные светильники над столами испускали лишь слабый рассеянный свет, а мягкие бирюзовые диванчики с высокими спинками надёжно скрывали

нас от других посетителей. Можно было представить, что мы тут одни, и не бояться, что кто-то увидит или услышит наши странные разговоры.

Макс крутил в пальцах бамбуковые палочки для суши, как барабанщик. Лизка листала меню. Паша, сидя напротив за столиком, с самого начала вечера держал меня за руку – словно боясь, что убегу. В иссиня-чёрной строгой рубашке он казался ещё бледнее, чем обычно – будто не медиум, а призрак.

– Ребята, не стесняйтесь, заказывайте всё, что приглянется, я угощаю.

После занятий Паша, под пристальным взглядом лучшего друга, долго извинялся перед Лизкой – разве что на колени не встал – а потом пригласил нас всех поужинать. Он говорил, что поступил утром так грубо вовсе не со зла. Что я на самом деле безмерно ему дорога, и его бросило в нестерпимый холод от одной только мысли меня потерять, а дальше всё произошло само собой – он не сдержал этот холод внутри, и теперь очень переживает, что пострадали другие люди.

Лизка его, вроде бы, простила – во всяком случае, от ресторана не отказалась – но ко мне аппетит так и не пришёл. Даже моя любимая «филадельфия», завёрнутая в авокадо и так заманчиво сияющая с картинки, у меня тёплых чувств не вызвала, и когда к нам подошёл официант в чёрном азиатском переднике, я заказала «цезарь» – первое, что пришло в голову, просто чтобы не сидеть с пустой тарелкой. Макс

с Лизкой взяли один большой сет роллов на двоих. Паша, с укором глядя на меня, выбрал себе салат из маленьких осьминожек с морскими водорослями.

Разговор не клеился. Темы для обсуждения задавал в основном Макс, а Лизка разве что изредка хохотала над его шутками. Я молчала, ковыряя «цезарь» вилкой. Паша, поглядывая на меня, тоже не притронулся к своему блюду. И только когда ребята уже доедали свой огромный поднос с роллами, он вдруг подмигнул мне, слабо улыбнувшись:

– Кажется, тебе здесь не понравилось. Я с тобой согласен, тут слишком скучно и уныло. Так *пресно*, что даже васаби не спасёт ситуацию. Вроде бы все эти люди пришли сюда по какому-то поводу – кто-то отмечает день рождения, кто-то годовщину, а у кого-то девичник перед свадьбой – но по их аурам так и не скажешь. И лица у всех блёклые и ничего не выражают, будто они умерли. Будто их сварили – прямо как еду у них на тарелках. Им нужно волшебство. Какой-то знак свыше, чтобы проснуться. Малыш, хочешь, я немного оживлю для тебя этот ресторанчик?

– Что ты имеешь в виду? – осторожно уточнила я.

– Магия некроманта может оживлять – парадокс, да? Но это именно так. Я могу вернуть их всех к жизни. Одних в прямом смысле, а других – образно.

Сначала ни до кого из нас не доходило, что он задумал. Тогда парень недвусмысленно посмотрел в свою тарелку и подтолкнул палочкой к краю одного из бейби осьминожек.

Осьминожка в ответ на укол слабо дёрнулась. Мы с Лизкой изумлённо ахнули, а Макс расхохотался. Паша шикнул на него, попросив не шуметь. Потёр ладони одна о другую, разогревая кровь, и поочерёдно дотронулся мизинцем до брюшка каждого скрюченного зверька. Провернувшись на пальце, блеснуло в тусклом свете лампы его широкое серебряное кольцо с выгравированной латинской надписью «Non decederis supra mortis». ¹

– А разве тебе не надо для этого делать что-то особое? – удивлённо переспросила Лизка в образовавшейся тишине. – Ты не будешь стучать в бубен, как жрецы вуду или... в шаманский барабан?

– Нет. Мой барабан... – Паша ненадолго прислонил правую руку к груди, – стучит вот тут.

Чародеева притихла. Кажется, мы с ней даже забыли как дышать – так пристально уставились в тарелку с азиатским салатом. Время стало вязким и замедлилось. Мои ноги онемели, но сейчас я не мёрзла. Скорее было похоже, будто меня окунули в огромное облако пушистой ваты. Вата попала мне в глаза и уши, сковала мягким шёлком тело, и я потеряла способность ясно слышать, осязать и различать краски.

– Видели?! – голос Лизки заставил меня вздрогнуть. – Он опять шевельнул лапкой!

– Щупальцем, – поправил её Макс. Его всё происходящее, кажется, почти не удивляло. Наверное, Паша не раз устраи-

¹ Не умри раньше смерти.

вал что-то такое в своей группе на занятиях.

И вот уже крохотные морские жители, отряхиваясь от зелёных ниточек водорослей, бодро выныривают из тарелки и, как тараканы, расползаются по столу. Самый упитанный из них, резво подскочив к моей руке, хотел запрыгнуть мне на ладонь, но я отпрянула назад. Вилка с тонким звяканьем упала в проход между диванчиками.

– Что-то не так? – в ту же секунду подбежал к нам официант. Едва взглянув на наш столик, он уронил любезную маску с лица и замер, как вкопанный.

– Не так, – спокойно подтвердил Макс. – Осьминоги в вашем салате – живые.

– Но... – лицо мужчины вытягивалось всё сильнее. Порозовевшие зверёныши, спрыгивая со стола, разбегались по залу. – Это невозможно! Они... они ведь маринованные!

– По всей видимости, их недомариновали, – с трудом пряча улыбку, нашёлся Макс.

За соседними столиками закричали. Один из моллюсков запрыгнул в сумку к очень важной даме в деловом костюме, ещё один – на блестящую лысину её компаньона. Сразу парочка шаловливых осьминожек полезла по ноге другой посетительницы, оставляя скользкие следы на тонком чулке.

– Прошу, простите нас! – официант очнулся только когда к нам подбежал охранник – с осьминогом, распластавшимся, как морская звезда, на нашивке с эмблемой «ЧОП Посейдон». – Это какое-то недоразумение! Мы сейчас же всех

их поймаем и отнесём обратно на кухню!

И тут я встрепенулась:

– Нет! – перегнувшись к Паше через стол, воскликнула я шёпотом. – Повар сварит их заживо, и им придётся ещё раз умереть!

– Ника, не бойся, они ничего не чувствуют, – глухо ответил мне парень, не выходя из транса. – Это просто электричество. Я создаю волны тета-ритма в их нервной системе, поэтому они двигаются, будто живые, и даже демонстрируют некоторые условные рефлексy, память о которых сохранили при жизни. Но как только я перестану на них воздействовать, они снова замрут...

Вскоре повара сами прибежали с кухни на шум, а через пару минут безуспешной ловли беглецов к ним присоединились ещё несколько официантов, хостес и управляющая. Всем скопом они принялись охотиться на живчиков, но влажные осьминожки ловко выскользывали из их рук и снова разбегались по углам.

– Можем ли мы рассчитывать на скидку? – Макс обворожительно улыбнулся администратору, когда она в очередной раз пробежала мимо, и добавил уже серьёзнее. – Моя девушка испугана до смерти тем, что у вас тут происходит.

Менеджер взглянула на меня – видимо, роль испуганной до смерти в этот момент больше подходила мне, а не Лизке – и нервно потеревшила вспотевшими пальцами манжет безупречно-белой блузки:

– Конечно-конечно, молодые люди! Ваш сегодняшний ужин будет за счёт заведения! И сейчас я ещё попрошу, чтобы вам принесли чай и наш фирменный десерт...

– Надеюсь, десерт у вас вегетарианский? – спросила, хмыкнув, Чародеева, чем окончательно добила милую даму. Женщина посерела, начала глотать ртом воздух – прямо как чёрный сом, плавающий у барной стойки в аквариуме – а потом опустилась на свободный диванчик и тихо потеряла сознание.

* * *

– Парень так старается! Поставил на уши весь ресторан, чтобы тебя развеселить – и всё зря! – сетовала Лизка, подкрашивая губы перед огромным, начисто отполированным зеркалом в туалете. – Ты уже отдала своё сердце другому!..

Да уж, развеселил так развеселил. Раньше я думала, что нет ничего страшнее Пашиной способности работать с миром мёртвых, но сейчас, когда он вторгся в мир живых, это было ещё более жутким зрелищем. И даже сегодняшнее чудесное воскрешение казалось мне чем-то убийственным.

А всё-таки, кто солгал мне про Пашину измену? Чародеева?.. Нет, Лизка не стала бы врать. Она может исказить правду самым отвратительным образом, вывернуть всё наизнанку, но врать она мне не будет.

– Ничего я никому не отдала! – с опозданием поспори-

ла я. – Хватит! У меня с Черновым завтра просто индивидуальное занятие. Поняла? Не свидание. Даже не дружеская встреча. Ничего такого. А цыплёнком он меня назвал, потому что издевается.

– Это ты издеваешься. Над Колдуновым. Слушай-ка... – рыжая прочистила голос. – Я скажу честно, как спец по оранжевому органу: тебе нужно поскорее сделать выбор. Самая опасная для тебя же самой ситуация – это когда выбор ещё не сделан или не озвучен. Пока вы все в подвешенном состоянии, вы будете терять огромное количество энергии. Это как сохранять равновесие на тонком канатике, протянутом через открытый космос. Никогда не знаешь, в какую сторону мотнёт, поэтому держишь в напряжении каждый мускул. Вам сейчас жизненно необходима почва под ногами, а не вот это вот всё! Особенно Пашке – ты же видишь, он уже на грани нервного срыва...

– Лиз, я не...

– У выпускников большая нагрузка, – настырно продолжала она, убрав в сумочку помаду и доставая расчёску, – на носу госы, защита и поступление в магистратуру. Его алхимическую компаньонку кроет от антидепрессантов, а у него самого – уже полгода никакой личной жизни. Ещё и ты со своими интрижками. Думаешь, он не понимает, что происходит?.. Пожалей парня, а? И всех нас заодно. Если некромант сорвётся и психанёт, это будет реально крипово. Сегодняшние осьминожки – только начало...

– Ты права, Лизка, – ответила я и тут же оговорилась. – Ну, то есть, вообще-то ты не права. Но про Пашу я с тобой согласна. Спасибо. Я поговорю с ним на днях.

– Да не говорить вам надо! – воскликнула, изображая отчаяние, Чародеева. – Не говорить! Ты уже с сентября ему зубы заговариваешь. Хватит слов! Приступайте к делу!..

Глава 9. Красный телефон

– На моём зачёте ты работала на вдохе, это было довольно смело. Я бы даже сказал, дерзко.

Стемнело. Зажглись фонари. Мы стояли на смотровой площадке Исаакиевского собора, и я любовалась тем, как красиво пушистый белый снег ложится на крыши домов. Чернов, как всегда, курил. Круг татуировки на его запястье сейчас казался ярче – похоже, недавно ему обновили рисунки магических печатей.

– А в чём разница? – после небольшой паузы я всё же решила уточнить.

– Когда ты задерживаешь дыхание на выдохе, без воздуха в лёгких, то внутри твоей ауры создаётся пустое место, возникает тяга, как в вакууме, и энергетика вбирает в себя окружающее пространство. Если же задержать дыхание на вдохе, то аура, напротив, расширяется, ты выходишь за рамки своего тела и транслируешь себя наружу. При обычном сканировании безопаснее втягивать информацию в своё биополе. Оно полностью тебе подконтрольно, и если что-то пойдёт не так, ты быстро это остановишь. Но если нужно получить большое количество важных данных в рекордные сроки и без искажений, то приходится вылезать из панциря во внешний мир и работать на вдохе. Правда, это чревато такими приключениями, как у тебя. Твоё тело воспринимает

увиденное слишком буквально. Болит, плачет, кровоточит, теряет волосы...

– Я не потеряла, мне их отрезали!

– Не тебе. Ворожеевой. Ты чересчур плотно с ней соединилась. Попрошу тебя больше так не делать. Если не будет особых указаний, то ты работаешь на выдохе. Договорились?

– Хорошо. Но я так и не поняла, что с ней случилось? Она жива или нет?

– Пока да, – спокойно, будто говорит о сроке годности булочек из ближайшей пекарни, ответил Чернов.

– Что значит пока?! – всполошилась я. – Кто её убьёт? Светлоликий?!

– Время, – Чернов постучал пальцем по мундштуку. Хлопья серого пепла, смешиваясь со снегом, полетели над вечерним городом. – Ворожееву, как и других студенток, перенесли из нашего мира в астральный. Это похоже на то, как вы каждый учебный день ненадолго покидаете материальный Петербург и переходите в невидимый простому глазу ЛИМБ. Разница лишь в том, что после пар вы возвращаетесь из института – кто домой, кто в общежитие – и за ночь ваши физические тела полностью восстанавливаются. Похищенные девушки уже давно не возвращались в материальный мир. Чем больше времени они проводят в астрале, тем сильнее истощаются и слабеют их биологические оболочки. Однажды наступит день, когда они потеряют возможность вернуться.

– То есть, погибнут?

– Если ассоциировать человека исключительно с физическим телом, как мы все привыкли, то да. Их фантомы ещё на несколько лет зависнут на острове, потом бесследно растворятся – так же, как происходит после насильственной смерти.

– Сколько времени у нас есть, чтобы успеть вернуть их живыми?

– У нас?.. – бросив очередную затяжку, Чернов пристально посмотрел на меня.

– У тех, кто остался здесь, – смутившись, пояснила я. – У тех, кто их ищет.

Он тут же потерял интерес к разговору и опять принялся травиться ядами, отстранённо наблюдая за тонущим в снегу городом.

– Если вы действительно приехали в Питер, чтобы спасти всех этих девушек, – так и не дождавшись ответа, я снова подала голос, – то почему запретили мне снять беса с Милы Феечкиной?

– Моя задача не спасти девушек, а выяснить, кто за этим стоит.

– Разве это не одно и то же?

– Как видишь, нет, – Чернов устало выдохнул дым и пояснил. – Я поставил на беса якорь. Что-то вроде астральной камеры, чтобы проследить его глазами за происходящим на острове. Увы, тогда вы с ребятами сломали фотоаппарат и

не дали прихвостням Светлоликого довести похищение до конца. Сектанты испугались и легли на дно, расследование встало. И лишь недавно на зачёте ты самостоятельно настроилась на это место, смогла попасть туда и вернуться без особых потерь – если не считать волос. Но так мне даже больше нравится.

– Что?!

– Волосы хранят часть ауры своего владельца. Через ритуал пострига ты подключилась к эгрегору секты, а это значит, что если они снова сменят частоту вибраций, как делают каждое новолуние, ты автоматически проследуешь за ними, – невозмутимо пояснил бенефактор. – Теперь, благодаря нашему алхимическому каналу, ты будешь моими глазами. К сожалению, пока мы можем только смотреть. У Светлоликого очень мощная защита, остров окружён сотнями крылатых агрессивных тварей, а его неофитки, чья энергия заключена в ритуальных дольменах, готовы отдать жизнь во имя хозяина. Девушек он вербует давно, на протяжении семи последних лет. За это время его астральную резиденцию пытались несколько раз штурмовать силой, но безуспешно. Там пропала без вести уже не одна группа оперативников из Департамента, а следователи менялись как перчатки. Вплоть до прошлого года, когда начали похищать студенток ЛИМБа. Тогда всполошился уже не только АД, но и правительство – и расследовать это дело поручили мне. Отказаться я не мог. Чтобы избежать смертной казни, я дал два обещания: пер-

вое – никого больше не убивать, второе – исправно работать на следственный отдел. А исправно в понимании моего начальника – это без права на промах. До недавней поры мне удавалось выполнять все его приказы, но тут я сразу понял, что дело дрянь. Тогда я решил действовать под прикрытием и попросил выделить мне огромный срок – полтора года, надеясь, что за это время или Светоликий выдаст себя или начальник сдохнет. Но увы, у командира отменное здоровье, а Светоликий слишком аккуратен и нигде не ошибается. На данный момент я в тупике. Задержать «Великого Отца» возможно только в реальном мире – когда он в очередной раз вернётся, чтобы восстановить силы, однако я до сих пор не смог установить его личность. Его адептов из ЛИМБа, руками которых он похищает девушек, я вычислил в первый же месяц. Я посещал кружок по созданию сверхандрогина и настолько примелькался среди юных «химиков», что они считают меня за своего. Я даже раскрыл преступление, о котором меня не просили, и задержал вашего извращенца-историка. Но всё бесполезно. Никто не видел Светоликого без маски. Никто не понимает, что на самом деле происходит на острове. Никто не знает, как именно планируется использовать собранную с молодых людей энергию и содержимое золотой чаши... А что касается твоей новой причёски – если тебя в данный момент это интересует больше всего – ты не ослышалась. Тебе правда идёт.

Я притихла, растерявшись.

– Ещё вопросы будут? Не стесняйся. Давай, наконец, разрушим непонимание, которое легло между нами.

Да уж, непонимания между нами столько, что оно не просто легло – оно возвышается непреступной горой. И если про ситуацию с расследованием мне теперь более-менее ясно, то кое-что до сих пор скрыто за плотной вуалью тайны.

– Зачем вы убили Хромого? – выпалила я прежде, чем успела сообразить.

От неожиданности он подавился дымом и закашлялся, прикрывая рот рукой в кожаной перчатке:

– Кого?! – переспросил хрипло.

– Скажите мне правду. Я постараюсь понять.

– Кто такой Хромой?!

Тут до меня дошло, что Чернов и впрямь мог не знать, как называли погибшего. Тем более, до конца не ясно, настоящая ли это фамилия или просто кличка, которую ему дали в кругу друзей. Зря я сразу после той драки во всём не призналась! Теперь будет сложно объяснить, что мы с ребятами хотели как лучше...

Сигаретный окурок полетел вниз, описав дугу над парапетом смотровой площадки. Бенефактор снял перчатку, и горячие электризованные пальцы легли мне сзади на шейные позвонки. О ужас, если он сейчас полезет в мои воспоминания, то мне крышка!

– Ого, ты снова была на острове, – я зажмурилась, но его рука, вместо того, чтобы меня придушить, поправила мне

шарф, прикрывая горло от ветра. – И навела там много шума. Как только не попалась?! Да не дрожи так, эти девушки живы, хотя отведённое им время ты своей выходкой порядком сократила...

Я потрясённо молчала.

– Больше ты на остров без меня не ходишь. Понятно?

– Да, но я не...

– А что касается этого твоего «Хромого», – настойчиво перебил он. – Послушай меня внимательно. Ваши глупые расследования нужно прекратить, это не только бесполезно, но и опасно. Никакого Хромого я не убивал, мы даже не были знакомы. Но он неудачно «копнул» под меня, а надо мной стоит человек, которому сейчас, во время ответственного мероприятия, очень важно сохранить моё инкогнито...

– Точно человек? – тихо пролепетала я, всё ещё до конца не веря, что небо не разверзлось и меня прямо там, где стою, не испепелила молния.

– Что ты имеешь в виду?

– Если над таким опасным существом, как вы, есть ещё какая-то крыша, то это, наверное, должен быть сам дьявол!..

Скрипач невесело ухмыльнулся:

– Иногда мне тоже кажется, что он вылитый дьявол. Но нет, потом я присматриваюсь и понимаю: всё же это обычный человек... Просто сволочь, – добавил он сквозь зубы.

Чернов предложил мне самой найти место для проведения индивидуального занятия, и хотя я не чувствовала себя на это способной, он убеждал, что моё подсознание прекрасно знает, какой урок я должна сегодня получить.

В итоге, тонкий и закрученный морозными узорами след красного оргона привёл нас к ветхому, наполовину деревянному трёхэтажному зданию на юго-западе Петербурга. Я даже и не подозревала, что в пределах всего лишь нескольких станций от центра города можно найти такие старые дома.

– Неплохой выбор, – как всегда я не понимала, издевается Чернов или правда меня хвалит. – Но на всякий случай уточню: ты уверена, что хочешь зайти внутрь?

– В смысле? – покосилась на него я. – Там что, опять какой-нибудь монстр? Это дом с привидениями?

– Нет. Приведений нет, монстров тоже. Во всяком случае, сейчас.

Любит же он говорить загадками!

– Ладно, пойдёмте. Разберёмся.

Хмыкнув, он сложил зонт, защищающий нас от пушистого снегопада, и открыл передо мной тёмную дубовую дверь единственного подъезда. Ни домофона, ни хотя бы простого замка на двери не было, только сверху над входом звякнул старый латунный колокольчик.

– Главное, не торопись. Развязать каждый новый узел будет сложнее, чем предыдущий.

– Вы о чём?

– Скоро поймёшь.

В подъезде пахло сыростью и ржавым металлом. В почтовых ящиках пылились конверты никому не нужных писем, со стен свисала частично оборванная и перемотанная изолентой проводка, а из-за глухо закрытых дверей квартир, обитых потрескавшимся дерматином, веяло ментоловым бабушкиным лекарством. Лифта, разумеется, нет. Звонки сломаны – вместо кнопок из пластиковых коробочек торчала оголённая медная проволока. Вверх вела раскрошившаяся от старости бетонная лестница с перилами, которые давно не красили.

– Давайте поднимемся, – неуверенно предложила я. Когда за нами закрылась тяжёлая входная дверь, свет уличных фонарей погас, и подъезд погрузился в полумрак – только далеко на втором этаже трещала голубовато-белая длинная лампа.

– Как скажешь, – безразлично-отстранённый голос Чернова не сулил ничего хорошего и будто бы даже намекал, что оставаться внизу безопаснее, но я всё же пошла на свет.

На втором этаже стоял запах мокрой собачьей шерсти, а у одной из дверей на крючке висел старый кожаный поводок с большим исцарапанным карабином. Звонок рядом с этой квартирой уцелел, и я, плохо понимая, зачем, несколько раз

в него позвонила. В ответ мне раздался рокочущим басом собачий лай, но никто так и не открыл, даже не подошёл к порогу, чтобы взглянуть на меня в затуманенный глазок. Наверное, это и к лучшему – встречаться с рассерженным псом не очень-то хотелось. Застыв на середине узкой лестничной клетки, я закрыла глаза и принюхалась к красному оргону.

– Это выше. На третьем этаже. Нет, скорее на чердаке.

– Хорошо, – Чернов, не подсказывая и ничего толком не комментируя, будто на экзамене, послушно поднимался следом за мной.

Третий этаж встретил меня длинным коридором, уходящим вглубь – туда, где на первых двух этажах была глухая стена. Под моими ногами скрипнул старый, выложенный «ёлочкой» рыжий паркет. Я пошла вдоль дверей квартир, разглядывая номера на покосившихся овальных табличках. Из-за двери с надписью «десять» пахло убежавшим и пригоревшим к плите супом. В одиннадцатой квартире шумела вода, будто кто-то наполнял ванну. Приглядевшись, я увидела, что тряпичный коврик перед порогом уже весь промок, и паркет под ним потемнел, вздувшись от влаги. У двенадцатой квартиры стоял советский, насквозь проржавевший детский трёхколёсный велосипед, на руле у которого висело игрушечное ведёрко с засохшими полевыми цветами. У тринадцатой квартиры лежал на боку старый красный дисковый телефон.

Мысок моего ботинка ткнулся в отвалившуюся крыш-

ку пластикового динамика. Я присела на корточки, подняла трубку и повертела в руках. От красного телефона фонило красным оргоном. Прорезиненный чёрный провод уходил через щёлку порога в тринадцатую квартиру.

– Мне нужно поговорить с владельцем этого аппарата.

Звякнул механизм внутри базы – я положила трубку на рычаг.

– Поговори, если сможешь, – усмехнулся бенефактор.

Следующие несколько минут я звонила и стучала в закрытую дверь, а потом ещё и кричала отчаянное «Эй! Есть тут кто-нибудь?». Всё сильнее пахло супом. Текла вода из-под соседнего коврика. Лаяла собака снизу, но из людей никто не отзывался.

– Пойдёмте на чердак, – потеряв терпение, заключила я. Моя рука коснулась облупившихся железных перил. Лестница на этот раз неохотно пустила меня выше. С каждым шагом идти становилось всё сложнее, будто навстречу мне дул, сбивая с ног, ураганный ветер. Затаив дыхание и зажмурившись, я продиралась вперёд через невидимую стену, а Чернов терпеливо следовал за мной. В какой-то момент меня снесло назад, я покачнулась и чуть не упала, но он придержал меня, подталкивая в спину.

– Соберись. Ещё четыре ступени.

Четыре. Три. Две. Одна... И вот, наконец, я на площадке. С облегчением открыв глаза, я вздрогнула. С обшарпанной стены прямо на меня смотрела цифра «3». Я снова бы-

ла на третьем этаже. В одиннадцатой квартире бурлил, шипя на раскалённой плите, суп. Текла вода. Снизу издевательски лаял пёс. Красный телефон, окружённый облаком красного оргона, тарачился на нас своим круглым циферблатом.

Я в растерянности обернулась на Чернова.

– Ну вот, наконец, мы добрались до сути проблемы, – с безразличной издёвкой заключил он. – Давай посмотрим, как ты с этим справишься.

По моей спине прогулялся холодок. Ноги сковал липкий страх – будто я застряла в лифте, в котором не ловит сотовая связь, а кнопка вызова диспетчера не работает.

– Попробуем подняться ещё раз, – выпалила я, пытаюсь не выдавать своей паники, и опять ринулась вверх по лестнице.

Следующие несколько минут я как заведённая бежала по ступеням. Всё выше, и выше, и выше – преодолевая плотную, отталкивающую меня назад силу – но каждый раз снова и снова оказывалась на третьем этаже.

Создавалось впечатление, что на площадке совсем ничего не менялось, но потом я заметила, что велосипед у двенадцатой квартиры больше не трёхколёсный. Теперь у него два больших резиновых колеса и два маленьких, пластмассовых – а в ведёрке не цветы, а гладкие морские камушки.

Меня неслабо потрянуло. Возникло мерзкое, дурманящее ощущение, что я сплю, в висках застучало, перед глазами поплыло. Переводя взгляд с одного предмета на другой, я пыталась заставить себя вспомнить, каким он был раньше.

Рыжий паркет под ногами превратился в грязно-жёлтый линолеум. Коврик одиннадцатой квартиры, оказывается, не серый, а тёмно-зелёный. А вместо цифры «10» на соседней двери стоит римское «X». И только ярко-красный советский телефон по-прежнему оставался красным.

Я пробовала подниматься, перешагивая через две или три ступени. Пробовала идти боком, по стеночке. Один раз выпустила крылья и взлетела. Один раз перепрыгнула через лестничный парапет вниз, но неизменно оказывалась на том же самом третьем этаже.

Пробежав ещё несколько пролётов туда-сюда, я бессильно опустилась на побитый коричневый кафель и прижалась спиной к скрипучим перилам – ещё недавно металлическим, а теперь прогнившим деревянным.

– Пожалуйста, хватит! – воскликнула, поднимая лицо на Чернова.

– Я думал, ты боишься только высоты, а у тебя ещё и клаустрофобия? – хмыкнул тот. – Что это за непрофессиональная истерика?

– Признаю, я была не права, – с трудом выдавила из себя я. – Даже не так – мы с ребятами поступили с вами очень плохо. И то, что произошло дальше, вся эта драка... это было ужасно, я правда тогда за вас испугалась и пожалела о случившемся! Мы не хотели! Слышите?.. А теперь, пожалуйста, выпустите меня!

Прижавшись спиной к стене, бенефактор словно невзна-

чай посмотрел на потолок, отгораживающий нас от несуществующего чердака. Сейчас в потолке темнел деревянный откидной люк, из щелей которого нам на головы капала вода – видимо, из верхней одиннадцатой квартиры.

– Ника, неужели ты всерьёз полагаешь, что пространственно-временная петля – это тоже моих рук дело?

– Конечно! Вы же специально привели меня сюда!

– Напротив, сегодня я специально никуда тебя не вёл. Ты пришла сюда сама. Действуй.

Я чуть не разрыдалась от досады и задрала голову, чтобы слёзы невзначай не покатались по щекам. Следом за скрипачом посмотрела на потолок, на мокрый, прогнивший люк – и тут ко мне пришла идея:

– Подсадите меня!

– Что?.. – покосился на меня Чернов.

– Лестница заколдована! Но тут в потолке есть дверь на чердак. Это наш шанс! Поднимите меня, я попробую туда залезть!

– Ты уверена, что это хороший план?..

– Нужно проверить!

Вздохнув, бенефактор присел, подставляя мне спину.

Скрипнула его кожанка. Вскарabкавшись к нему на плечи, я уселась поудобнее и махнула рукой – мол, поднимайтесь. Потолки тут были довольно высокие, метра три точно, и даже когда Чернов распрямылся, мне с трудом удалось достать до люка. Вытянувшись, я с силой толкнула дверцу, та

описала в воздухе полукруг и с грохотом шлёпнулась на пол чердака. Меня обдало облаком пыли. Чихнув, я вцепилась в край проёма и подтянулась, заглядывая наверх.

На чердаке гулял ветер. Старая крыша совсем прохудилась, и через дыры в черепице на меня обрушился проливной дождь. Моталось на натянутых нитках развешенное кем-то белое, проеденное молью бельё. Сняв с головы влажную простынь, залепившую, словно паутиной, мне лицо, я снова пригнулась. Надо мной с шумом хлопнула крышка люка. Дверца сама собой закрылась.

Чернов недобро взглянул на меня снизу вверх:

– Ну что, проверила?

Я наспех отряхнула промокшие волосы:

– Попробую ещё раз!

Сейчас на чердаке было сухо, но жутко воняло крысами. Я засунулась наверх почти по пояс, когда на меня вдруг со звоном опрокинулось алюминиевое ведро, полное огромных рыжих тараканов. Взвизгнув, я качнулась и сильнее стиснула колени, чтобы не упасть. Чернов тихо чертыхнулся, одной рукой придерживая меня за лодыжку, а другой стряхивая с воротника своей рубашки толпу насекомых, норовивших забраться ему за шиворот. Дверца снова захлопнулась.

На этот раз мне понадобилась пауза в пару минут, чтобы вынуть всех прусаков из своих волос, но всё же я решилась повторить попытку.

В третий раз крышка люка открылась с жутким, истош-

ным визгом. Я заглянула наверх и тут же сжалась, сгибаясь. Чердак был полон странных существ, словно сошедших с картины Дали – с увесистыми грузными телами, но тонкими, как ноги кузнечика, лапками. На мордах вместо ушей, глаз и носа у них росли морщинистые слоновьи хоботы. Увидев чужака, уродцы всеми своими отверстиями затрубили тревогу и бросились ко мне, готовясь запинать угловатыми конечностями. Я попыталась спрятаться, прикрывая за собой дверцу, но с потолка крыши ко мне протянулись чьи-то костистые руки и с хохотом схватили за волосы. Я завизжала, Чернов снова ругнулся, теперь уже громче. В миллиметре от моего носа воздух рассёк, будто копьё, ствол его сложенного зонта-трости, и блестящий длинный наконечник расшиб напополам вцепившийся в меня скелет. По чердаку разлетелись мелкие обломки костей.

– Спасибо, – пробормотала я, плотно захлопнув люк.

– Это низшие сущности и неупокоенные души, – бенефактор снова отряхнулся, в этот раз от кладбищенской пыли. – Они обожают кучковаться там, где энергия стоит без движения, как вода в болоте.

– Надеюсь, они больше не станут с нами связываться, – я упрямо взялась за ручку дверцы. Кстати, не припомню, чтобы у неё раньше была ручка...

– Ника, нет! – воскликнул Чернов, и я уловила в его ещё недавно безразличном голосе нотку отчаяния. – Давай на этом остановимся!

– А что вы предлагаете, остаться тут навсегда?!

– Я предлагаю слезть с меня, раскрыть поле красного оргона и поработать. Это место ждало тебя много лет, чтобы ты помогла предотвратить случившееся – а не играла с ним в русскую рулетку.

– Я умею расшифровывать только тот оргон, который идёт от людей. А тут, кроме нас, ни одной живой души!

– За каждой вещью стоит живая душа, и вовсе не обязательно биться в закрытые двери, чтобы услышать её крик или плач. Сделай выдох. Замри. Настройся. Так было здесь не всегда. Этот дом ничем не отличался от других до определённого дня. Что это был за день? Как давно это произошло? Что случилось?.. Представь, что стоишь на вышке, а внизу перед тобой – море ответов, которое ждёт твоих вопросов. Задержи дыхание. Закрой глаза. Прыгни.

Перекрывая его гипнотический голос, вдруг раздался оглушающий протяжный дребезг, будто в мои уши забивали огромным молотком сразу сотни маленьких гвоздиков. Я вздрогнула и со страху потеряла равновесие, а Чернов то ли не успел, то ли постеснялся схватить меня за бёдра. Перекувырнувшись назад, я в беспорядочном сальто упала с его плеч и распласталась на кафельном полу.

На моём лбу проступил пот, как в кошмарном душном сне. Руки похолодели. Я, наконец, поняла, откуда исходит этот невыносимый металлический звук.

Красный телефон зазвонил.

Глава 10. Река времени течёт вперёд

– Когда я сказал тебе «Прыгни», я имел в виду не это, – подметил Чернов, поднимая меня с пола.

Не оборачиваясь на него, забыв даже отряхнуться, я кинулась к двери тринадцатой квартиры. Дверь была не заперта. Телефон звонил изнутри, из тесного маленького коридора, с глянцевої поверхности лакированной советской тумбочки.

– Алло, – проговорила я, подняв трубку, и не узнала своего голоса. Усталый, низковатый и чуть осиплый – он принадлежал женщине лет пятидесяти.

– Мама, ты оказалась права про него! – раздалось отчаянное мне в ответ, девушка на том конце провода всхлипывала на каждом слове, её душили рыдания. – Не нужно мне было ездить так поздно на это свидание! Что мне теперь делать?!

– Где ты? Что случилось?

– Я звоню из таксофона! Я от него убежала, но не знаю, надолго ли. Он крикнул вслед, что найдёт меня. Боже, как я могла согласиться выйти замуж за такого человека!.. Автобусы уже не ходят, даже такси не видно. Здесь пустырь...

– Он приставал к тебе до свадьбы?

– Нет, мама, нет, хуже. Он... он что-то сделал со мной. Ты была права, он не химик! Может быть, в его пробирках

наркотики!.. У него руки горят страшным светом, мама. Он сказал, что пошутил насчёт свадьбы, а потом... потом – что заберёт мою душу.

Я потрясённо молчала, а вместе со мной – женщина, разбуженная звонком посреди ночи.

– Я схватила тот скальпель, который ты дала мне... Господи, я считала тебя сумасшедшей, а теперь понимаю, зачем ты это сделала!.. Я ударила его в грудь, а потом полоснула по лицу, но он даже не поморщился, только вытер со щеки белым платком синее пятно. Мама, ты же врач, скажи, он чем-то отравил меня?! Он угощал меня лимонадом из автомата! Что в его пробирках – там яд?! Это всё галлюцинации?!

– Нет, не галлюцинации, – хрипло выдавила я вместо потерявшейся женщины.

– Тогда почему у него синяя кровь?!

– Потому что он не человек, а коллекционер... – проговорила я глухо.

В ответ мне раздался оглушительный визг и отчаянное:

– Мама, он здесь, он по другую сторону будки! Он пришёл за мной!

– Работай, – шепнул Чернов. – Пора.

У коллекционеров нет своего органа. Символы у него на ладони и колпачки резервуаров светятся цветом ауры его очередной жертвы. Сегодня его пробирка зелёная, а красную энергию излучает женщина, голосом которой я говорю. Мать готова пойти на всё ради спасения своего ребёнка. Даже на

невероятное. Даже на преступление. Она не просто принесёт дочери с работы самый острый хирургический нож, чтобы защитить от жениха. Она уничтожит весь мир, если это нужно!

Звякнув, упал на паркет красный телефон. Треснула, отвалившись, крышка динамика. Сердце женщины пропустило удар, дёрнулось болезненно и остановилось, а вместе с ним и время отскочило на минуту назад, застыв в стенах проклятого дома навечно – так, чтобы этот звонок никогда не прозвучал. Так, чтобы её дочь осталась жива. Даже если одновременно оборвутся истории сразу сотни людей, живущих рядом, даже если они сгинут, так и не ступив в завтра – неважно.

Всего один удар сердца пробил реальность и завязал стрелки часов в морской узел, лишая ни в чём не повинных соседей будущего. Если я уберу красный оргон, как предлагает мне Чернов, то снова запущу время, но при этом помогу коллекционеру погубить его жертву. Так нельзя! Вот, где настоящее преступление! Женщина не виновата!

Лопнули стёкла таксофона. Чёрные крылья прошили его насквозь, и в будку ворвался тёплый питерский ветер, а вместе с ним – невесомые парашютики одуванчиков. На улице конец мая, уже начинаются белые ночи, и севшее солнце оставляет за горизонтом светлую полосу. У коллекционера совсем нет совести – это же надо обмануть собственную невесту в начале такой красивой поры. Очаровать, влюбить в

себя, зажечь её зелёный оргон, заставить открыться, а потом предательски забрать у неё доверчивую душу!..

– Беги! – толкнув до смерти испуганную девушку, я вылетела навстречу демону с большим осколком стекла, зажатым в кулаке. Может быть, он не боится ножей, но битое стекло ему точно не понравится!

Зелёная пробирка выпала на асфальт и разлетелась мелкими блестящими крошками – словно россыпью изумрудов. Коллекционер вскрикнул и, прижав руку к груди, согнулся вперёд. На пушистые одуванчики, растущие у обочины брызнули ярко-синие капли крови.

– Феникс, ты-то тут откуда? – прохрипел он через боль. – Ты же ещё не родилась!

– Если не отстанешь от меня, я найду тебя где угодно, хоть в будущем, хоть в прошлом! – прошипела я. – И разобью самые ценные экземпляры твоей коллекции! Понял?!

Подняв на меня затуманенные глаза, демон горько улыбнулся в усы:

– Самые ценные мои экземпляры, собранные вместе, не идут ни в какое сравнение с тобой! – он осторожно коснулся огромного острого осколка, торчащего у него из груди. Зажёгся на его ладони витиеватый магический символ, и стекло, начало плавиться, капая на землю, будто тающий лёд. – К чёрту души влюблённых дурочек, это слишком банально! Клянусь всей своей богатой коллекцией, феникс, ты будешь моей!..

– Честно говоря, я надеялся, что ты ликвидируешь красный оргон, развяжешь временную петлю, тем самым дав коллекционеру возможность до конца осуществить его план – он получит душу той девушки, обрадуется, и на этой почве вы с ним помиритесь... – сетовал Чернов, поднимаясь следом за мной по ступеням на четвёртый этаж. – А ты опять натворила дел. И снова работала на вдохе – да что с тобой такое?!

– Ну, знаете ли, – я уверенно шла вверх по лестнице, теперь уже безо всякого труда. – Быть сообщницей этого маньяка я не собираюсь. Дружить с ним – тем более. А ваше задание я выполнила, красный оргон иссяк, дом расколдован. Видите, мы уже на четвёртом этаже. Что не так?

– Всё нормально. Просто начинаю за тебя волноваться. Кажется, сегодня вы окончательно рассорились. Отобратить у коллекционера его добычу – это же надо додуматься!..

– Здесь есть пятый этаж, – взволнованно перебила его я. – Ничего себе! И шестой! Да тут ещё десяток этажей! А как изменился дом! Вы заметили?! Теперь здесь всё чистенькое! Похоже на новостройку!..

Скользя ладонью по гладким блестящим перилам, я поднималась всё выше, читая вслух цифры на этажах: седьмой, восьмой, девятый... Лестничные площадки, выкрашенные

свежей светло-бежевой краской, были уставлены цветочными горшками. На стенах висели картины. С глухих металлических дверей на меня смотрели натёртые до блеска камеры видеоглазков.

Этажей оказалось семнадцать, причём последние три из них принадлежали организациям, снимающим помещения под офисы, а на остеклённой крыше располагалась вертолётная площадка, где, судя по огромной цветастой вывеске, мог попробовать себя в управлении железной птицей любой желающий.

Засмотревшись открывшимся видом ночного неба, я в изумлении замерла на пороге и даже не заметила, как ко мне подбежала администратор с красным платочком, повязанным поверх накрахмаленной белой блузки:

– Вы бронировали? – вежливо, но деловито прошептала «стюардесса». – Фамилию и имя, пожалуйста?

– Нет... – замямила я. – Понимаете, мы просто...

– Да, – одновременно со мной ответил бенефактор. – Лев Чернов.

Ахнув, я чуть не задохнулась от возмущения:

– Так вы всё-таки заранее это подстроили?! Вы ещё до занятия знали, что мы здесь окажемся?!

– Ты молодец, – Чернов подтолкнул меня к стойке ресепшен, за которую вернулась, надев на лицо профессиональную улыбку, администратор. – Справилась со своими старыми фобиями, и теперь заслужила в награду ещё одну новую.

Вот так награда!

– На вертолёте я не полечу! – оттянув его в сторону, шепнула я. – Прошу, давайте просто спустимся и уйдём отсюда своими ногами!

– Мы столько сил потратили, чтобы сюда подняться, – хмыкнул бенефактор. – Обратной дороги нет.

– Пожалуйста!

– Чего ты боишься, дурёха, у тебя же есть крылья, – расписавшись за нас обоих в журнале по технике безопасности, он добавил уже серьёзнее. – Это очень символично. Река времени течёт только вперёд. Мы не должны возвращаться к прошлому, не должны идти по одному и тому же пути дважды. Не переживай, управлять вертолётom – не сложнее, чем водить авто. Инструктор тебе сейчас всё покажет и объяснит.

– В смысле, объяснит?! Хотите сказать, что я буду за рулём?!

– За штурвалом, – невозмутимо поправил Чернов.

– Вы с ума сошли?! Я не умею летать!!! Да я же нас обоих разобью!!!

– Кажется, ваша девушка слегка боится, – иронично подметила администратор. Улыбка на её лице стала ещё шире. – Вы в первый раз? Не переживайте, у пилота есть дублирующий штурвал, и если что-то пойдёт не так...

– Нет!!! – воскликнула я. – Я не!..

– Ника просто так кокетничает, – мягко взяв за поledenевшую от страха руку, Чернов потащил меня к выходу на

крышу. – На самом деле, она у меня опытная. Летает с детства... Да, ангел?..

На вертолётной площадке лютый ветер с воем ударил нам в лицо и осыпал с ног до головы крупинками плотного снега. Пилот – крепкий плечистый дядька лет сорока – посетовал себе под нос, что даже ему «взлететь нужно будет ещё постараться». Услышав это, я внутренне возликовала. Ну конечно! Погода-то, к счастью, нелётная. Нас сейчас отсюда просто развернут, и никто не пострадает!..

– Не переживайте, всё пройдёт легко, – уверил пилота Чернов. – Питерская стихия, как женщина, очень изменчива. Секунду назад злилась, и вдруг уже ласкается как мартовская кошка. Видите?..

Свист ветра смолк. Снежная буря, внимая ему, успокоилась. Кажется, даже немного потеплело. Пилот в ответ на метафору бенефактора почему-то захихикал – наверное, скрипач и с ним умудрился в два счёта сонастроиться и дёрнуть нужную «струну».

– Вот и славно, – подсадив меня в кабину, Чернов положил руку мне на плечо. – Маршрут нехитрый. Мы сделаем круг по городу, опишем небольшой крюк над Финским заливом и сядем на площадку у Английской набережной, откуда до твоего общежития можно дойти пешком.

Развалившись на заднем сиденье, он откинулся на спинку и подмигнул мне:

– Давай, Ника, покажи нам, что такое настоящий ас! Ни

пуха, ни пера!

Да уж, перьев на этот раз не будет. Только рокот винта, треск гарнитуры и широкий, как рога непослушного быка, штурвал, выскальзывающий из вспотевших рук. Так я никогда ещё не летала, и до воздушного аса мне как до луны...

Железная машина, слегка кренясь, поднялась над высокой красивой новостройкой, в блестящих окнах которой отражался лимонный серп месяца. Никто из жителей Петербурга уже и не помнил, что раньше, когда-то очень давно, лет тридцать назад, на её месте стоял низенький, наполовину деревянный дом, похожий на барак, где со стен свисала рваная проводка, пол вздулся от протечек воды, а на чердаке водились крысы размером с кошку. Вырос мальчик, катавшийся на трёхколёсном велосипеде. Умер старый мохнатый пёс, державший в страхе весь подъезд. Одинокая женщина из тринадцатой квартиры купила в подарок старушке-маме новый, кнопочный телефон...

– Я могу рассчитывать на конфиденциальность? – спросил в тот вечер Чернов, проводив меня до общежития. – Или нужно дополнительно объяснить, что наш сегодняшний разговор не предназначен для ушей Сыроежкина, Чародеевой и, тем более, ваших друзей-старшекурсников?

– Да, конечно, Лев Станиславович, – уверила его я, едва заметно пошатываясь. За недолгую прогулку на вертолётке меня неслабо укачало, и даже язык немного заплетался. – Можете быть спокойны. Я никому ничего про вас не расска-

жу...

* * *

На ночь глядя к нам в гости заглянул Яшка. С дотошностью осмотрел новую, отремонтированную стену в ванной и модное круглое зеркало с подсветкой, которое мы заказали накануне взамен разбитого. Лизка решила, что нам нужно что-то оригинальное – и её папа идею одобрил, выделив нам необходимую сумму. Подруга от обновки просто пищала, а вот мне белый светодиодный контур напоминал жутковатую «корону» вокруг солнца во время затмения, поэтому я старалась лишний раз туда не смотреться.

Перепробовав все сладости в вазочке, Сыр попросил налить ему ромашкового чая и, отхлебнув, выпалил:

– Ну, Ника, рассказывай. Я же не просто так пришёл, а как заинтригованный уроборос. Ты сегодня путешествовала во времени и дофига всего там поменяла. Надеюсь, это было санкционировано?

И как он только это понял! Молча открыв на ноутбуке карту, я нашла адрес новой высотки с вертолётной площадкой на крыше и ткнула в неё пальцем на панораме:

– Ещё вчера этого дома здесь не было. Точнее, он был, но выглядел по-другому, потому что попал во временную петлю...

Слушая меня, Яшка даже позабыл про свой чай и посто-

янно перебивал, чтобы задать уточняющие вопросы про занятие. Помню ли я момент перехода по кротовой норе? Какой предмет я использовала в качестве якоря? И помогал ли мне бенефактор преодолеть темпоральный парадокс? Лизку же моя индивидуалка не заинтересовала – ну прошлое и прошлое, подумаешь – её больше волновало то, что рассказал мне Чернов.

– Ух! Теперь мы не просто должны! Мы обязаны поехать в тот монастырь! – воскликнула она, едва я выложила все запретные подробности, о которых обещала молчать. – Нужно срочно выяснить, не врёт ли он тебе! Если врёт, то это уже прямое доказательство, что у него самого рыльце в пушку!

– Слушайте, – перебил её Сыр. – С прошлым мне более-менее всё понятно. А вот историю Льва Станиславовича я всё равно не проследил до конца. Допустим, его из монастыря забрали в АД. Просканировали там на осколки, офигели от результата и вынесли приговор на смертную казнь. В последний момент одумались и решили, что его красный орган можно использовать по-другому. Обучили всем этим ФСБ-шным штукам, заставили поступить в ЛИМБ, а теперь ради охоты на Светлоликого, оформили его тут как препода, пририсовав звание профессора. Разумеется, так как он опасный персонаж, то за ним со всех сторон следят. Даже питерская «скорая» прилетела на вызов за пять секунд, едва Ника назвала его фамилию и имя. Окей, это всё логично. Но где же было их всевидящее око, когда он угрожал тех четы-

рѐх парней?! А когда скинул тела в реку? Как они это проглядели? Или не проглядели, а временно простили до конца расследования?

– Проглядели, – уверенно выпалила Лизка. – Они не знают, что это сделал он. Иначе не стали бы давать такую огласку в новостях, а просто замяли бы дело.

– Интересно, если бы Ника сразу обратилась в АД и всё им рассказала, они бы арестовали его? – задумчиво почесал подбородок Сыроежкин. – Или, наоборот, убрали бы её, как Хромого, чтобы не мешала важной операции?..

– Нужно позвонить твоему дяде Роме, – заключила Чародеева.

– Зачем? – не поняла я. – Я даже его номера не знаю.

– Так узнай у родителей! Если сейчас с Черновым что-то пойдёт не так, то Роман – твоя последняя надежда на спасение. Хотя... – рыжая посмотрела на меня искоса и почему-то хихикнула. – Что, чёрт возьми, у вас с ним может пойти не так?! Я всю жизнь мечтала полетать на вертолѐте! И ни одна сволочь меня не пригласила на такое классное свидание! А ты!.. Эх...

Лизка огорчѐнно замолчала, а Яшка, оттеснив меня от ноутбука, принялся с любопытством искать на карте границу, отделяющую Ленинградскую область от Псковской.

Глава 11. Крест Константина

В узком помещении с низким потолком царит полумрак. Ламп и электричества здесь нет – только тусклое мерцание чадящих восковых свечей освещает келью. Карамельный аромат ладана, разлитый в затхлом воздухе, не может скрыть тяжёлый мерзкий запах. Так воняет застарелый человеческий пот и что-то ещё похуже. Будто в тёмном углу лежит дохлая кошка, и её тушка распространяет вокруг себя тошнотворно-сладковатый смрад.

Светловолосый парень в белой рубашке с подвёрнутыми рукавами в который раз дёргается – скорее из упрямства, чем в надежде вырваться – но крепкие бородачи в тёмных рясах прочно удерживают его за предплечья и запястья, покрытые чёрными татуировками. Мечта монахов сбылась – юный поджигатель снова здесь, только вот отомстить ему за уничтожение монастыря не получится. Его привезли люди из КГБ.

Под строгим серым пиджаком мужчина в сизом галстуке прячет потайную кобуру с пистолетом Макарова, но оружие сейчас ему мало помогает. Знал бы, что тут так омерзительно воняет – взял бы противогаз! Морщась, военный подносит к лицу платок и прикрывает нос. Он настолько не в восторге от разлитых в воздухе «благоуханий», что аж глаза слезятся.

– Отец Феогност уже тридцать лет носит на своем теле стальные вериги, чтобы победить страсти, – объясняет в от-

вет на его немой вопрос один из монахов, будто бы извиняясь. – Его плоть подвергается непрерывному истязанию, дабы умножить аскетический подвиг.

Мужчина понимающе кивает. Впрочем, его затравленный бегающий взгляд выдаёт одно-единственное желание – убраться из «святого места» поскорее. Если бы не приказ, ноги его здесь не было бы...

В тёмной глубине помещения раздаются неспешные, шаркающие шаги. Отец Феогност – седой, как лунь, выступает из мрака, словно привидение. Тусклые отблески свечей играют на его морщинистом лице, кустистых бровях и неровной, клочковатой бороде. Некоторое время черноризец стоит неподвижно, пристально смотря на паренька. Кажется, он даже не дышит – лишь чуть заметно двигаются сухие узловатые пальцы его левой руки. Ползут, будто змеи, кольцами обвитые вокруг широкого балахона, длинные-предлинные деревянные чётки.

– Что скажете, уважаемый? – сиплым голосом нарушает тишину человек в сером костюме. – Вы действительно знаете, как обуздать химеру?

Старец словно не слышит. Оставляя после себя шлейф из смеси запахов пота и гнилого мяса, он подходит к юноше вплотную. Твёрдой, уверенной рукой хватает за подбородок и поднимает ему голову так, чтобы отросшие прядки волос разошлись в стороны, открыв лицо. Некоторое время они играют в гляделки. Глаза у старика ясные, лазурно-голубые, а

у парня – испепеляющее-чёрные, и кажется, что когда они смотрят друг на друга, свет сталкивается с тьмой.

Наконец, аскет отводит взгляд и, резко отвернувшись, шаркает обратно в тень:

– Нет, сын мой. Мой ответ: нет, – раздаётся его скрежещущий, надтреснутый голос. – Ежели даже ваша армия не смогла с ним совладать, то чего вы алчете от меня одного?.. Воистину несчастное дитя! Мрак, переполняющий его, подобен безбрежному океану. Кто может обуздать океан? Разве один Господь!..

– Ваш монастырь довольно сильно пострадал от пожара... – словно между прочим подмечает военный. Он мнёт в руке платок, стирает со лба капельки пота, затем снова возвращает его к носу. – За два года вам так и не удалось восстановить разрушенную часть здания даже наполовину.

– Увы, лишь немногие из нас уцелели. А сил тех, кто остался в живых, не хватает...

– Общими стараниями дело бы пошло гораздо быстрее. Мы готовы вам помогать. Если вы поможете нам.

Свеча издаёт громкий треск и начинает коптить клубами чёрного дыма. Монах долго рассматривает яркие запрещающие печати на теле юноши, водя по ним крючковатым пальцем.

– Возможно, я ошибаюсь, и у отрока ещё есть шанс... – шипит, будто бы обращаясь к самому себе, отец Феогност и тычет длинным расслоенным ногтем парню в живот. – Вот

тут, под правым ребром, нужно начертать крест Константина! Сюда распятого Господа нашего Иисуса Христа ударили копьём. Отсюда Бог забрал Адамово ребро, чтобы сотворить порочную Еву. Здесь – место, где первородный грех оставляет на теле брешь!..

– Нет, только не это! – парень снова начинает извиваться, и монахи ещё сильнее выкручивают ему руки, чтобы удержать. Срывают рубашку, бросают его на дубовую скамью, прижимая спиной к прогнившим доскам. Сухие верёвки хрустят, впиваясь в запястья и лодыжки.

В глубине комнаты журчит вода – пока юношу связывают, старый монах долго и тщательно, как хирург перед операцией, моет руки. Рядом со скамьёй ставят два деревянных табурета. На один из них кладут причудливый набор инструментов – длинную полоску кожи с воткнутыми в неё серебряными иглами разной длины. Вместо петель для ниток у них – миниатюрные звериные и птичьи головы: лев, телец, орёл, голубь...

Открывается банка с густо-чёрной краской, острый металлический аромат наполняет келью. Старец снова выползает из тьмы и садится на второй табурет. Засучивает рукава, оголяя морщинистую кожу предплечий, плотно покрытую сложными угловатыми орнаментами, перемежающимися с витиеватыми буквами древней кириллицы.

По обнажённому телу парня ползёт капельками холодный пот, словно кто-то выплеснул на него ведро ледяной воды.

Краснеют запрещающие печати. Пламя, вспыхнувшее на секунду в темноте кельи, съёживается и гаснет. Разлетаются по полу, превращаясь в сор, белые перья и серебристая чешуя.

Довольно кивнув, монах кладёт ладонь юноше на правый бок, нащупывая ребро.

– Крепись, мой мальчик, – шепчет он. Размашисто перекрестившись, вынимает одну из игл, окунает её в чернила и быстрым, уверенным движением втыкает в побледневшую кожу.

Громкий крик сотрясает узкий каменный свод кельи. Ни одно копьё, ни одна запрещающая печать не сравнится с намоленной монограммой отца Феогноста. Адские муки в самом жерле преисподней не причинят столько боли! Каждая линия, каждый малый штрих заставляют юношу задыхаться от рвотных спазмов и извиваться, с треском натягивая верёвки.

– «С этим знаком победишь» – так гласило Божье послание великому римскому императору Константину, когда небеса даровали ему сей чудесный символ!.. – невозмутимо приговаривал аскет за работой, низко склонившись над мечущимся по скамье, бьющимся в конвульсиях телом. – Он победил, победим и мы! Но будьте осторожны! Храните отрока от губельного распутства! Дьявольская страсть способна изничтожить даже самые сильные молитвы! Даже исцеляющую священную рану! Даже сам Господень крест!..

– Да уж лучше распутство, чем вот это вот всё, – с отвра-

щением бурчит военный, в который раз ненавистно обводя глазами зловонную келью.

– Будь ты проклят! – тихо хрипит парень. – Не попасть тебе на небеса, пока я жив! Смерть к тебе не придёт – будешь вечно пресмыкаться на земле!

– Ох, горе нам! – ничего не слыша, причитает отец Феогност. – Горе грешным – живущим во времена, когда в мире родилось такое дитя!..

* * *

Под колёсами Лизкиной «ауди» хлюпал талый снег. По обеим сторонам трассы покачивались от ветра запорошенные высокие ели. В салоне было тепло, уютно и вкусно пахло конфетно-сладким автомобильным освежителем. Я оторвала затылок от подголовника и несколько раз в непонимании моргнула.

– Эй, птичка, дурной сон приснился? – не отводя взгляда от дороги, спросила подруга.

Сыр, читавший методичку по истории искусств, отвлёкся от текста и внимательно посмотрел на меня через зеркало заднего вида. Его жёлтые глаза блеснули по салону двумя яркими солнечными зайчиками.

– Слушайте, давайте туда не поедем! – взволновано прораторила я, дёргая Лизку за руку.

– Ты раньше определиться не могла?! – возмутилась та. –

Мы уже въехали в Псковскую область, скоро будем на месте! Я встала в семь утра и три с лишним часа за рулём! Не выспалась, и всё затекло – думаешь, это легко?!.. Ну нет, я теперь из принципа не отступлюсь!

– Ника только что снова была в прошлом, – глухо пояснил Яшка. – И для феникса погрузилась очень глубоко. Расскажи нам, что ты там увидела?

– Как-нибудь в другой раз, – пробормотала я. – Это с нашей поездкой не связано.

Не связано, ага. Именно с поездкой этот сон и связан. Из-за поездки я сама не своя и за каждым кустом вижу опасность. И из-за поездки же мой телефон с отключённым звуком мигает в кармане экраном, отображая входящие звонки. За утро Чернов набрал мне, наверное, уже раз пять. Пять вызовов подряд от бенефактора – это беспрецедентный случай. Он не просто нервничает, он в бешенстве, поэтому я и не отвечаю. А что я ему скажу? Лизка всё равно не повернёт назад...

Преображенский монастырь оказался точно таким же, как в моих видениях. Высокие, угрожающе острые пики тёмных куполов царапали низкие хмурые облака. Рыже-красные кирпичные стены тяжело давили на голову. На металлических автомобильных воротах висел замок и надпись «Осторожно, злые собаки!», а чуть ниже: «Котят не приносить!».

Других машин рядом не было, и Лизка припарковалась прямо напротив входа. Хлопнули дверцы «ауди», с двух пу-

шистых елей слева и справа от дорожки упали сугробы снега. Встревоженный громким звуком, взметнулся в небо чёрный ворон. Вдалеке залаяли псы. Судя по рокочущему басу, они здесь и правда злые.

Яшка дёрнул калитку и отчитался:

– Незаперто, – но шагнуть на территорию так и не решился.

Щёлкнув брелком, Лизка поставила машину на сигнализацию и, отстранив его, первая вошла внутрь. Но не успела она процокать на своих тонких каблучках и пары шагов, как её окликнули:

– Эй! – недовольный голос, почти такой же рычащий, как утробный лай собак. – Сестра, почему без юбки?

Подруга от неожиданности замерла на месте, но быстро нашлась:

– Холодно же, батюшка, зима на дворе! Минус десять было ночью!..

Высокий рыжебородый мужчина в длинном одеянии, очищающий дорожки от снега, придиричиво окинул нас взглядом. Яшке только махнул рукой, мол, проходи, а вот нам преградил дорогу шваброй:

– Платки-то хоть есть у вас? Головы свои беспутные прикройте!

Лизка нехотя вытащила из кармана розовую шапочку со стразами, а я нацепила капюшон. Неодобрительно цыкнув, монах отступил на шаг назад, но стоило нам пройти чуть

дальше, снова нас позвал:

– Что вы здесь забыли-то, ребята? Кто такие? Кого ищите?

– Мы... – протянула Лизка, готовясь импровизировать. – Мы студенты из города. Нам задали сделать проект о каком-нибудь древнем монастыре, и мы выбрали ваш. Это нужно для зачёта по... истории искусств.

Будто в подтверждение её слов, Яшка помахал в воздухе методичкой Чернова:

– У вас ведь очень древний монастырь. И очень красивый. Когда он был построен? Наверное, ещё при царе?..

Мужчина взмахнул шваброй, счищая с кованой скамейки снег:

– Нет, не при царе. Позже. Но история у нас и вправду долгая и интересная. Монастырь однажды горел дотла, но возродился, как жар-птица, из пепла! Садитесь, сейчас я всё вам расскажу, в точности как мне самому в своё время рассказали... Но приготовьтесь много писать!

Мы переглянулись. Записывать нам было не на чем – разве что для вида можно включить диктофон. Металлическая лавочка покрыта льдом – сидеть холодно. Да и собаки надрываются так, что долгую беседу вести сложно. А лично мне и вовсе с первой секунды как я здесь оказалась, хотелось бежать без оглядки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.